

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ



Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»
Византизм есть прежде всего особое разд
образованность или культура, имеющая
свои отличительные признаки, свои общео
льные, резкие, понятные начала и свои
определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит —
самодержавие.

В религии он значит христианство
с определенными чертами, отличающими
его от западных церквей...

«Что такое славян?»

Ответа нет!.. Славян, какой
во всецелости своей, есть еще
офеникс, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва,
Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: 5fba0172-3a19-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Письма о восточных делах

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Содержание

I Наше назначение и наши выгоды	0005
II Продолжение того же	0015
III Опять греко-болгарский вопрос	0030
IV «Всё то же» (Т.И. Филиппов и о. Склобовский)	0043
V Гамбетта, Скобелев и Бисмарк	0066
VI Какое сочетание обстоятельств нам выгоднее всего?	0079
VII Какое сочетание обстоятельств нам выгоднее всего?	0099
VIII Итак, теперь следует о югославянах.	0112
IX Будущность Царьграда	0126
X Будущность Царьграда	0148

Константин Леонтьев
Письма о восточных делах

Наше назначение и наши ВЫГОДЫ

Когда мы размышляем о делах Востока и хотим дать себе ясный отчет в том, что нам может предстоять и что для России выгоднее, то необходимо прежде всего различить идеал наш или цель наших замыслов и действий от средств выполнения задачи.

Средства достижения должны, конечно, избираться самые подручные и легкие, но об этой легкости и доступности должно, однако, заботиться лишь настолько, насколько это не вредит высоте и ширине идеала[1]... Если высшему политическому идеалу слишком легкие средства вредят, то надо предпочесть им более трудные и даже такие, которые сопряжены с величайшими жертвами.

О выборе тех или других средств я буду говорить позднее; теперь же я хочу поделиться с вами любимыми моими мыслями и о том, что *должно быть* нашим *сознательным идеалом*, или о том, что, *вероятно*, будет нашим

роковым назначением. (Я употребляю здесь слово «роковой» не в исключительно мрачном его значении, а в смысле более широком – в том смысле, что свершение исторических судеб зависит гораздо более от *чего-то* высшего и неуловимого, чем от человеческих, сознательных действий; сознательный идеал необходим; но он тогда только осуществим приблизительно, когда он хоть сколько-нибудь сходен с неясной еще в подробностях картиной этого рокового предначертания, когда он предугадывает ее общие черты.)

Идеал наш при разрешении Восточного вопроса должен быть самый высший, самый широкий и смелый, *самый идеальный*, так сказать, *из всех возможных идеалов*. Вот почему.

Если идеал наш будет слишком односторонен, мелок и прост, то мы, стремясь без меры настойчиво только к ближайшим, *очередным* целям и не храня в душе *иных заветов*, можем испортить себе будущее, закроем себе путь дальнейшего, правильного и спасительного развития[2].

Россия – не просто государство; Россия, взя-

тая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, – это целый мир особой жизни, особый государственный мир, *не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности* (говоря проще – *такой, которая на других не похожа*).

Поэтому не изгнание *только* турок из Европы и *не* эмансипацию *только* славян и *даже* не образование во что бы то ни стало из всех славян, и *только* из славян, племенной конфедерации должны мы иметь в виду, а нечто более широкое и по мысли более независимое.

Начнем хоть с турок.

«Свержение позорного ига азиатской орды» может занимать ограниченные умы наших единоверцев и единоплеменников; нам же давно пора догадаться, что никакое насильственное иго азиатских владык не может быть так «позорно», как добровольно допускаемая народом власть собственных адвокатов, либеральных банкиров и газетчиков. Насилие не может так опозорить людей, как их собственная непостижимая глупость.

Удаление турок – только необходимый

прием, это одно из неизбежных средств и больше ничего.

Можно, пожалуй, *говорить* о «варварстве» и т. п.; можно даже, если это необходимо для возбуждения людей попроще, склонять печатно во всех падежах слово «орда», «орды», «ордою», об «орде», как делали газеты и журналы наши во время последней войны; но надо помнить при этом стих Тредьяковского:

*Держись черни,
А знай штуку...*

Не должно *в наше время* считать подобную идею достойной серьезного внимания русского ума.

Презрение к азиатцам, мысль об изгнании турок *за то, что они не либеральны, не индустриальны* и т. п., а живут религиозно-монархическими и воинственными идеалами, – это *все не наше*, и не старорусское, и не новославянское, а самое обыкновенное европейское.

Мысль об изгнании турок из Европы и о *замене их русскими на Босфоре*, конечно, не принадлежит Западной Европе, как чисто политическая мысль; Западная Европа считала

эту мысль до последнего времени и, вероятно, отчасти считает и теперь опасною и даже гибельною в международном отношении. Но все-таки эта антиазиатская идея, по существу своему, *эмансипационна, либеральна*, т. е. более или менее разрушительна. Это обыкновенная нынешняя либеральная, западноевропейская, *вовсе не наша* по происхождению и по культурному духу идея, лишь агитируемая нами весьма удачно и счастливо с 60-х годов. Европе она не нравится с точки зрения *равновесия политических сил*; но по источнику и по характеру *все-таки* это мысль европейская. Это одно из последних приложений идеи «равенства и свободы» лиц, общественных классов, провинций и племен. Русское во всем этом деле – только *приложение* или весьма счастливая эксплуатация, как я сказал, этой обыкновенной, современно-европейской эмансипационной мысли в пользу России и ее слабых единоверцев.

Оттого-то все попытки Запада препятствовать нам и были так неудачны с 60-х годов[3].

При государе Николае Павловиче дело было поставлено прямее, яснее и *по духу само-*

бытнее; говорилось больше о правах русского покровительства, о русской власти. Это было лучше по существу; но неудобно по времени. Рано. Нас постигла неудача. Европа не узнавала в тогдашних наших действиях своей идеи эмансипационной, демократической, эгалитарной. До православно-монархического духа ей не могло быть дела; она его ненавидела: она не была тогда в противоречии сама с собою и победила. С 60-х годов русская дипломатия, русская печать и русское общество стали все громче и громче говорить в пользу христиан Востока и притом, опираясь не так, как в 50-х годах, преимущественно на право нашей власти, а гораздо более на права самих христианских подданных султана. Политика наша после Крымской войны стала западнее по мысли, т. е. либеральнее; по существу это хуже, развратительнее с гражданской точки зрения; по времени – это стало удобнее; Европа, парализованная внутренним противоречием, не могла уже вся дружно соединиться против нас; она вынуждена была уступать нам беспрестанно на пути либеральных реформ, которые мы для христиан предлагали;

Турция через это слабела; христиане становились все смелее и смелее, и мы в течение двадцати всего лет, почти неожиданно сами для себя, шаг за шагом, разрушили Турецкую империю, на которую столь многие замечательные государственные люди Запада, от Меттерниха до Наполеона III и Пальмерстона, возлагали столько надежд.

Эмансипационный процесс везде разрушителен, ибо он, по существу своему, враждебен государственной, церковной и сословной дисциплине; и если человечество еще не утратило способности *организоваться*, если оно еще не осуждено на медленное вымирание и самоуничтожение (посредством всех мощных орудий того, что зовут нынче *прогресс*), то для дальнейшего, более прочного, *менее подвижного* своего устройства оно вынуждено будет прийти к новым формам юридического неравенства, к новому и сознательному поклонению *хроническому*, так сказать, *деспотизму* новых отношений.

XIX век близится к концу своему. Без малого сто лет тому назад, в 89-м году, было объявлено, что все *люди должны быть равны*. Опыт

столетий доказал *везде*, что это *неправда*, что они *не должны быть равны* или *равно поставлены* и что «*благоденствия*» никакого никогда не будет. А назревает *что-то новое*, по мысли отходящему веку враждебное, хотя из него же органически истекшее.

Ясно, что это новое ни либерально, ни эгалитарно быть не может.

Итак, изгнание турок...

Изгнание турок необходимо, сказал я, но, освобождая христиан, мы должны иметь в виду не столько *свободу* их, сколько их *организацию*. А для этого мы прежде всего из собственных наших умов всеми возможными средствами должны выжить как можно скорее все не только «конституционные», но даже и вообще либерально-эгалитарные идеи, привычки и вкусы. Иначе мы погубим и свою будущность, и будущность всего Востока.

Один пример из многих; положим, что пришло удобное время удалить султана с берегов Босфора и стать там самим твердою ногою (поводы *скоро* найдутся, они уже существуют в действиях Англии). Говорить тогда и писать «для Европы» можно, что угодно, но

мыслить для себя надо правильно и ясно.

Не потому надо, например, удалить султана, что он самодержавный азиатский монарх (это хорошо), а потому, что держава его стала слаба и не может уже более противиться либеральному европеизму.

А мы можем, если захотим!.. Мы уже и доказали это недавно и нашей последней войной и, что еще гораздо важнее, мы доказали это в области политической мысли Манифестом 29-го апреля 1881 года.

Перед лицом *всей конституционной Европы и всей республиканской Америки* мы объявили, что не намерены больше жить чужим умом и приложим все старания, чтоб у нас самодержавие было крепко и грозно и чтоб о «конституции» и помину бы больше не было.

Свернувши круто (и, Бог даст, навсегда!) с пути эмансипации общества и лиц, мы *вступили на путь эмансипации мысли*; с пути медленного, но верного разрушения на путь организации и созидания.

В этом действии мы едва ли не в первый раз со времен Петра Великого решились быть самобытными не как сила только внешнего-

сударственная в среде других государственных единиц, *но и как политически культурная мысль*— смелая, независимая, ясная!

Это великий шаг!

Благодаря ему мы имеем полное право предпочитать себя султану на берегах Босфора не только из честолюбия, корысти или какого бы то ни было политического эгоизма, но и в смысле *культурного долга*.

Пора положить предел развитию мещански-либерального прогресса! Кто в силах это сделать, тот будет прав и пред судом истории.

Продолжение того же

Я сказал в первом письме моем, что высшим идеалом нашим при разрешении Восточного вопроса должно быть нечто более широкое, более содержательное и *по мысли* более самобытное, чем мещански-сентиментальная охота на «азиатских варваров» и чем простодушное освобождение славян «от ненавистного ига турок и швабов»...

Даже и создание конфедерации независимых славянских государств *не должно быть высшим идеалом нашим. Уже и теперь* для внимательного ума ясно из самых положительных, реальных данных истории, современной этнографии, текущей политики, из географических отношений и даже из некоторых оттенков национальной психологии, что *бессознательное назначение России не было и не будет чисто славянским.*

Оно уже потому не могло и быть таковым, что чисто славянского, совершенно своеобразного (настолько своеобразного и полного,

например, как прежняя английская конституция, как готическая архитектура, как французские моды и обычаи, как китайские мануфактурные произведения, как мусульманизм аравитян и турок) – ничего до сих пор у славян и не было. Разве – блестящая и действительно *ни на что не похожая* республика польская, ничего прочного и поучительного в наследство миру по кончине своей не оставившая.

Назначение России еще и потому не может быть односторонне славянским, что сама Россия давно уже не чисто славянская держава. Азиатские, подвластные Короне русской провинции обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин.

В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и др. азиатцев, или даже вовсе никого, чем южных и западных славян. В нас больше лени, боль-

ше фатализма, гораздо больше покорности властям, больше распущенности, добродушия, безумной отваги, непостоянства, *несравненно больше* склонности к религиозному мистицизму (даже к творчеству религиозному, к разным еретическим выдумкам), чем у сербов, болгар, чехов и хорватов.

У них больше выдержки, терпения, гораздо больше трезвости физической и умственной; скромные семейные добродетели у них несравненно крепче, чем у русских людей; они мало расположены к каким-нибудь нигилистическим крайностям, но зато их индифферентизм в религии поразителен; их машинальное, сухое охранение *кой-чего*, к чему они привыкли или что им дорого только в политическом отношении, без всякой бури и боли «искания» очень неприятно поражает русского, когда он с ними ближе знакомится. Они все расположены более или менее к умеренному либерализму, который, к счастью нашему, в России так неглубок и *так легко может быть дотла раздавлен между двумя весьма не либеральными силами*: между иступленным нигилистическим порывом и

твердой, бестрепетной защитой наших великих исторических начал.

Одним словом, наши западные и южные единоплеменники гораздо более нас похожи всеми своими добродетелями и пороками на европейских буржуа самого *среднего* пошиба. В этом смысле, т. е. в смысле психического, бытового и умственного своеобразия, славяне гораздо менее культурны, чем мы. Ибо я сказал уже вам, что под словом *культура* я понимаю вовсе не *какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость* и т. п., а лишь *цивилизацию свою по источнику, мировую по преемственности и влиянию*. Под словом «своеобразная мировая культура» я разумею *целую свою собственную систему отвлеченных идей религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических* (необходимо прибавить: *когда дело идет о нашем времени*; ибо нельзя же отвергать, что экономический вопрос *везде* теперь стоит на очереди и что та нация или то государство, которому посчастливится захватить в свои могучие и *охранительные* руки это передовое и ничем до поры

до времени не отвратимое движение умов, станет на целые века во главе человечества и не только себя прославит неслыханно, но и предохранит множество драгоценных этому человечеству предметов и начал от насильственного разрушения).

Такую систему отвлеченных идей, и бессознательно в жизни живущих, и сознательно в жизнь проводимых, и из нее в область дальнейшей мысли извлекаемых, я зову *культурой*. Надо уговориться в терминах, чтоб понимать друг друга, и для меня в этом смысле Китай культурнее Бельгии; индусы культурнее североамериканцев; русский старовер или даже скопец *гораздо* культурнее русского народного учителя по «книжке барона Корфа».

В этом же именно смысле можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций *самая не славянская и в то же время самая славянская*. Она самая не славянская, потому что по истории своей, по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю она от всех других славян очень отлична. Она же, с другой стороны, самая сла-

вянская из всех; не потому только, что она призвана стать *политически во главе славян*, но и потому, что только у нее и существует уже, и зарождается, и может, утверждаясь, развиться дальше многое такое, что не свойственно было до сих пор ни европейцам, ни азиатцам, ни Западу, ни Востоку. Это и естественно; ибо только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской – *туранской* нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы *духовно* независимое; без этого азиатизма влияющей на них России все остальные славяне очень скоро стали бы самыми плохими из континентальных европейцев и больше ничего. Для такой жалкой цели не стоило бы ни им «свергать иго», ни нам предпринимать для них и за них самоотверженные крестовые походы. Не для того же русские орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы сербы и болгары высиживали бы после на свободе куриные яйца мещанского европейства à la Вирхов, à la Кобден или Жюль Фавр.

Это было бы ужасно!

Конечно, мы славян освободим; это необ-

ходимо; это неизбежно; обстоятельства, не от нас одних зависящие, *заставят нас* сделать это и, вероятно, очень скоро. Никакие коалиции нас не удержат; никакая боевая Германия со своими шульмейстерами не воспрепятствует этому. Даже побеждая славян на поле битвы, она будет побеждена политически, фаталистически уничтожена, подобно Австрии, уступившей Венецианскую область после победы своей при Кустоцце. Судьбы исторические *должны* свершиться вопреки человеческим соображениям; либеральное разрушение всего социально-политического строя Европы, созданного веками прошлого величия, еще не достигло «точки насыщения». Национализм же чисто политический, т. е. определяющийся не культурно-бытовым *своеобразием* племени, не оригинальностью в нем *всего*, от религии до мод и вкусов, а только государственной *независимостью его*, есть не что иное, как одно из главных проявлений *все того же и того же*, то есть того могучего и не всегда понятого движения, которое одни зовут обновлением и прогрессом, другие – революцией, а я предпочитаю называть точнее:

эгалитарно-либеральным разложением романо-германской цивилизации. Разложение это заражает и будет заражать все человечество до тех пор, пока движение не дойдет до поворотной точки, или, говоря прямее, до тех пор, пока то, что я здесь говорю и что многим кажется лишь одной оригинальностью, не станет таким же общим местом, каким теперь стало многое, полвека тому назад казавшееся тоже чуть ли не пустым чудачеством!

Люди, освобождающие или объединяющие своих одноплеменников в XIX веке, *хотят* чего-то *национального*, но, достигая своей политической цели, они *производят* лишь *космополитическое*, т. е. нечто такое, что стирает все более и более национализм бытовой или культурный и смешивает всё более и более этих освобожденных или свободно объединенных одноплеменников с другими племенами и нациями в общем типе прогрессивно-европейского мещанства. Космополитический демократизм и национализм политический – это лишь два оттенка одного и того же цвета.

Чтобы понять это, стоит только вспомнить следующие общественные события истории истекающего ныне столетия.

Демократическое (эгалитарно-либеральное) движение началось с Франции. Франция первой республики и консульства *не говорила специально о национальности*; она провозглашала общедемократическое начало. Это так; но это начало до того тесно связано с политическим и племенным национализмом, что космополитическая идея очень скоро и незаметно для самих французов превратилась в патриотическую и довела посредством побед *политический патриотизм* граждан этого, *по преимуществу племенного*, чисто национального государства до неслыханного исступления и героизма.

Замечательно, что даже войска стали тогда только в первый раз кричать: *Vive la France!*[4] Прежде кричали: *Vive le roi!*[5]

Реакция всей остальной Европы, не желавшей еще тогда расстаться с величием своей аристократической культуры, приостановила в 1816 году этот поток.

Но остановила она его ненадолго.

Франция, предлагая миру свое космополитическое учение, стала в высшей степени национальна. Вследствие давнего сплошного единства *племенная эгалитарность* не была ей опасна; у нее не было ни внутри подвластных, чуждых племен, уравнивая которых с французами, можно было бы расшатывать градативный, неравноправный спасительный строй своего государства; ни настоящих соплеменников по языку и крови за пределами Франции, освобождая которых или присоединяя к себе (т. е. также уравнивая в правах и положении со всеми другими), она могла бы способствовать расстройству и распадению других государств и этим способствовать косвенно общему *всесмешению*.

Франции (как и всякому другому государству) было опасно только одно социальное, внутреннее, сословное и провинциальное уравнение, т. е. *однообразие в ее единстве*. Это уравнение и низвело ее неожиданно, шаг за шагом, падение за падением (и все во имя прогресса, свободы и гуманности!) от Жемаппа и Вальми до Меца и Седана, от демонического и легендарного корсиканца, у которо-

го только волосы были плоски (le Corse aux cheveux plats), до Греви, который весь есть не что иное, как самое чистое проявление «честной» европейской плоскости!

Другие нации и другие державы были в другом положении. Для их либерально-эгалитарного расстройства историческому року нужен был другой прием, не столь прямой и односложный, как для *единой и однородной* Франции, тысячелетие продержавшейся одними только *горизонтальными* общественными наслоениями.

Придумана была иллюзия: национальный вопрос или, вернее назвать, племенная политика.

Источник был национален, замысел тоже; результат же везде все тот же космополитический – гражданское равенство, политическая и личная свобода, смешение племен и сословий, однообразие провинций, *т. е. то же самое, что во Франции.*

Название другое, дело одно.

Действительно национального по мысли, по духу, по формам (без которых истинное творчество духа невообразимо и не бывает),

т. е. оригинального не вышло из этого движения ничего.

Напротив того, очень многое из того, что создано было прежде и потом с горячей любовью и непоколебимо сохранялось целые века, погибло очень быстро, благодаря этому новому и как бы *лукавому* повороту революционного вихря.

Этот поворот был до того обманчив, и ослепление от этого вихря было так сильно, что многие мыслящие патриоты (и даже наши славянофилы) не узнали в так называемом национальном движении своего злейшего врага: *космополитическую революцию!*

Так случилось везде; начиная с 1821 года (т. е. с эллинского восстания) и до мечтаний несчастного Араби-паши о независимости арабов...

Подробно перечислять здесь все примеры, признаться, тягостно. Хочу скорее кончить это письмо. Вспомните их сами – Италию и Австрию, Францию и Германию, даже Россию и Польшу 60-х годов, победы и поражения, войны и восстания... Результат *везде и ото всего один*: либеральная демократизация и

космополитическое однообразие идей, вкусов, потребностей и внешних форм...

У славян, если бы не было около них этой загадочной, полуазиатской, мистической и как-то героически-растерзанной России, вышло бы все это смешение и опошление и выдыхание хуже, чем где-либо, вследствие подражательности славян, вследствие слабости их охранительных и творческих сил.

Славяне, за неимением лучшего, готовы хвастаться (и не раз хвастались), что они по природе своей либеральнее других племен...

Да и наши русские от этого, как вам известно, до сих пор не прочь...

Прошу вас, однако, не ужасайтесь тому, что я говорю о славянах так сухо и недоброжелательно.

Я знаю, вы за Православие и Самодержавие покойны, когда я пишу, но я прошу вас и за «братьев славян» не опасаться.

В моем идеале или в пророчестве моем и для них отведено подобающее место. Я говорил уже, что их придется освободить и *даже невольно*, быть может, объединить в союз, политически устроить.

Чего же им больше? Они только этого и желают. Бедность их мысли выше политической независимости и равенства со всеми другими – с немцами, греками, турками и т. д. – не может и подняться теперь...

Их *либерализм* должен быть *сначала* удовлетворен в международном отношении. И чем скорее мы развяжемся с этим необходимым и, *Бог даст, последним эмансипационным* делом, тем скорее можно будет приступить к действиям *созидающим, устроющим, т. е. ограничивающим* (не власть, конечно, а свободу!), – одним словом, к *организации, которая есть не что иное, как хронический деспотизм*, всеми, более или менее, волей и неволей, по любви и из страха, из выгод или из самоотвержения признаваемый и терпимый, в высшей степени *неравномерный и разнообразный деспотизм; постоянная и привычная принудительность всего строя жизни*, а не преходящие и неверные принуждения одной только администрации.

И *это* нужно (т. е. действие административного жезла), и *теперь* нужно даже до крайности; но для векового бытия *этого ма-*

ло, очень мало...

III

Опять греко-болгарский вопрос

Неприятная неожиданность заставила меня изменить первоначальному намерению моему поделиться с вами моими общими взглядами на дела Востока и на наше там значение. Я хотел говорить вам постепенно все яснее и яснее, все подробнее и, так сказать, изобразительнее о том идеале, который сложился в душе моей *после долгой жизни в Турции, в среде единоверцев наших*, и после долгих разнообразных размышлений о судьбах того странного и до сих пор еще загадочного мира, который зовется Россией, или Государством Русским.

Но непредвиденная случайность вынудила меня от общих и самых широких картин и отвлечений перейти почти насильственно и внезапно к одной из самых скучных и антипатических подробностей Восточного вопроса.

Один ученый священник напечатал в

«Православном обозрении» пренаивный или прековарный (сразу не могу понять еще какой) разбор книги Т.И. Филиппова «Современные церковные вопросы».

Опять *все то же!* Опять защита болгар, опять несправедливые, близорукие придирки к Цареградской Вселенской патриархии. Все это довольно пусто, сантиментально, нецерковно, негосударственно, самому всеславянству очень невыгодно и вдобавок очень неново...

Все это мы слышали от разных болгарских Дриновых, Даскаловых, Жинзифовых, от редакции «Голоса» и т. д. Ново здесь одно то, что г. Филиппов представляется писателем, *вредным для Церкви*. «Книга его – неутешительное явление»; для Церкви настали (благодаря писателям) самые «тяжкие времена».

Для *какой* Церкви – вопрос? Для древней *Восточной Греко-Российской, известной нам* Церкви не может быть вреден писатель, защищающий единение русской иерархии с греческими патриархатами. А если г. Филиппов вреден для какой-нибудь *новославянской, либеральной* религии, так за это надо его бла-

гословлять!

Вот что говорит г. Дурново в своей почтенной, хотя и до грубости иногда прямодушной газете «Восток»: «Каждый раз, как только ревнители Церкви выскажут свое осуждение действиям болгарских демагогов и атеистов», – либеральные московские священники, «вместе с известным редактором „Церковно-общественного вестника“ г. Поповицким, смехотворным арабским богословом г. Муркосом и с калязинским протестантским богословом Беллюстиным выступают якобы против Вселенской патриархии, а на деле против православной Церкви, которую, по их мысли, давно бы пора преобразовать в протестантскую, с женатыми архиереями во главе».

Не зная, прав ли вполне г. Дурново в своих резких обвинениях, но от себя по этому поводу прибавляю здесь вот еще что: славяно-англиканское новоправославие (о котором *иные*, несомненно, мечтали, а может быть, мечтают и теперь) есть нечто более опасное (да и более бесплодное, пожалуй), чем всякое скопчество и всякая хлыстовщина... В этих последних уклонениях есть хоть *еретическое твор-*

чество, есть своего рода сатанинская поэзия, есть *строй*, есть пластичность, которая их тотчас же *обособляет в особую, резко огражденную от православных группу*; а что было бы в том англо-славянском поповском мещанстве, кроме греха и духовного бунта, с одной стороны, глупости и прозы – с другой? Для кого же и для чего нужно, чтобы какая-нибудь мадам Благовещенская или Успенская сидела около супруга своего на ступенях епископского трона? Для чего? Для спасения души? Спасались без всяких дам, с одними монахами. Для государства? *При слабости белого духовенства и при силе черного* оно было и будет крепче, *кафоличнее*, так сказать. Для культуры? Не оригинально, слишком похоже на англичан и не особенно красиво.

Итак, в чем же самый вопрос?

Греко-болгарское дело, очень смутное и даже как бы скучное издали, очень просто и ясно для того, кто с ним раз ознакомился.

Оно до того ясно, что я просто тягочусь даже препираться и доказывать шаг за шагом то, что давно доказано. На что подробности,

на что второстепенные доводы, когда достаточно ответить на два главных вопроса, чтобы видеть, до чего болгары не правы.

1-й вопрос. Если бы малороссы (положим), находясь в пределах одного государства с великороссами, пожелали бы иметь особый экзархат, а Св. Синод (или Московский патриарх, например) не находил бы нужным им его дать, хотя бы по самым несправедливым и корыстно-политическим соображениям, *то малороссы имели бы или нет духовное, так сказать, право объявить сами себя независимыми от Московской или Всероссийской Церкви, даже и с разрешения светского правительства?*

Конечно, нет!..

Если малороссы (или, положим, грузины, или эсты, или поляки, принявшие православие) канонически не имели бы права это сделать *вопреки власти духовной*, даже и с разрешения *единоверной* светской власти, то как же можно сделать то же самое на основании *указа власти иноверной*, как сделали болгары? Султанский фирман необходим только в том смысле, что светское правительство *не*

препятствует известной форме отделения. Бóльшего значения он не может иметь.

К тому же, если подчиненный главенству какой-нибудь иерархии народ признаёт за собою в принципе права самоволия в делах Церкви, т. е. возводит в идеал духовно-административный бунт, то и за эту одну идею существенно основную, без всяких иных уклонений догматических, второстепенно-канонических и обрядовых и т. д., он заслуживает строжайшего церковного осуждения, и самое учение подобной духовной инсurreкции можно назвать расколом, если не ересью...

Истинно русские, православные люди так и думают. Приведу два примера: один – из высшей духовной сферы, другой – из простой «мужицкой».

Митрополит Филарет вот что сказал про болгар: «Просить у Порты самим учредить свою народную независимую иерархию, это показывает, что болгары, хотя уже довольно имели времени обдумать свое дело, но все еще имеют упрямое желание, а понятия не приобрели. Учредить новую независимую иерархию можно только с благословения законно суще-

ствующей иерархии».

Это пример высшего духовного понимания. А вот пример другой, из жизни простых и безграмотных людей.

На нижнем Дунае, в Добрудже, в 70-х годах было довольно много русских – не староверов только или молокан, но *православных* малороссов и великороссов. Все они, вместе с болгарями, были, разумеется, подчинены Вселенскому патриарху и его епископам. Когда в 72-м году произошел между греками и болгарями разрыв, и к болгарам в Тульчу приехал *свой*, раскольничий епископ, то болгары стали приглашать русских тоже отделиться от греков и перейти к ним. Они указывали им на сродство крови и языка, на одинаковое богослужение и т. д. Русские мужики ответили на это так:

«Оно бы и хорошо, да словно грех без благословения патриарха».

Замечу еще, что тогдашний греческий епископ в Тульче был человек грубый, ума весьма ограниченного, лукавый, и его многие обвиняли и во взятках, и в других неблагоприятных делах.

Болгары же в то время прислали в Добруджу епископа образованного, воспитанного, кажется, в России и которого вообще любили за его личные качества. И, несмотря на все это, русские предпочли остаться с греками, *поверному мистическому чувству истинно православных людей!*

Если есть в церковных делах закон из законов, канон из канонов, так это канон повиновения иерархии. Неужели почтенный иерей от. Склобовский не согласен с этим?

Но лучше я умолкну на мгновенье, и пусть говорит вместо меня Влад. С. Соловьев, человек, у которого «я не достоин ремень обуви развязать», когда дело идет о религиозной метафизике и о внутреннем духе общих церковных правил.

Вот его недавние слова: «Если только признано, что Церковь, несмотря ни на какие неправды и грехи своих представителей, *не теряет Божественной благодати (в таинствах и проч.) и что «господствующая» Церковь действительно обладает этою благодатью, то какие же тогда человеческие соображения могут быть достаточно сильны, что-*

бы *отделить верующего от этого* вместилища Божьих даров?» («Русь», № 40: О Церкви и расколе.)

Или еще лучше (там же, № 38): «Всякий человек имеет, в силу воплощения Христова, возможность соединиться с Божеством, но для того, чтобы эта возможность быть сынами Божьими стала *действительностью*, необходимо прежде отречься от существующей уже *противобожеской* (греховной) действительности человека, корень которой состоит в эгоизме или самости, т. е. именно в усилии поставить и утвердить себя вне Бога и против Бога; следовательно, человек, желающий *действительного* воссоединения с Божеством, прежде всего должен отказаться от своего самоутверждения; он должен признать, что не в нем источник добра, истины и жизни, и ни в каком случае не должен говорить и действовать из-за себя и во имя свое, чтобы не заслонять Божественной благодати своим себялюбивым посредством. Но именно иерархический строй Церкви – *только* он устраняет и делает невозможным всякое себялюбивое и самовольное посредство между Богом и тво-

рением, ибо в этом иерархическом строе (и только в нем одном) *никто* сам собою или в своей отдельности не получает благодати Божьей, но каждый имеет ее лишь от божественного целого чрез других, не собою ее приявших. Так, все миряне не сами собою, а через священника принимают благодать, но и священник не собою священнодействует, а в силу посвящения от епископа; епископ же не собою дает и не от человеческого произвола берет свое святительское полномочие, но посредством Собора старших епископов получает его через Апостолов от самого Христа, Которого Бог Отец освятил и послал в мир для нашего спасения и Который Сам творит волю не Свою, но Пославшего Его. Итак, в этой чудной цепи благодатного действия нет ни одного звена, запятнанного человеческим самоутверждением, в этом великом обществе нет ни одного деятеля – от Божественного Главного до последнего церковнослужителя, нет ни одного деятеля, который сам бы о себе свидетельствовал или сам бы поставил себя в проводники благодати и свидетели истины. Потому, каковы бы ни были человеческие де-

ла какого-нибудь иерарха (или целого ряда иерархов), и хотя бы он в своем личном характере обнаруживал высочайшую степень гордости и высокомерия, – *святительское* его служение все-таки основано на смирении и самоотвержении, ибо он не сам себя поставил в иерархи, не во имя себя действует и не свое проповедует. *Напротив, все основатели и учителя отделившихся от Церкви сект, как в западном протестантстве, так и в нашем расколе, хотя бы иные из них, по личному своему характеру, и были люди смиренные, но служение их основано на самоутверждении и гордости, ибо они сами о себе свидетельствуют, во имя свое выступают, все свое делают и проповедуют.* Иерархия же церковная не по делам своих членов, а по совершенству своего начала, по чистоте и целостности своей кафолической формы свята, непорочна и божественна». (Не правда ли, как нехороши и как вредны подобные слова и этого тоже светского писателя?..)

Итак, если весь церковный строй основан на смирении и покорности, то как же не раскольники те, которые самовольно отделяются

от своей местной «Господствующей» Церкви? Если бы у них не было сверх этого и тени еще *иных неправильных идей*, если бы они, оставаясь во всем ином чистыми и не коварными, отделились самовольно только потому, что это им показалось лично удобным или национально выгодным, – то за одно это *действие они заслужили бы название раскольников*; и это учение принципиальной непокорности можно было бы назвать даже особым именем – напр., «инсуррекссионизмом» или «анархизмом», или еще иначе удачнее.

Но у болгар была еще сверх идеи простой непокорности и другая идея – идея *филетизма*, как выразился Цареградский собор 72-го года.

Они хотели, *чтобы каждый болгарин, где бы он ни был, где бы он ни жил, зависел не от греческой иерархии, а от особой своей*; подобно тому как армянин зависит от своей иерархии, русский старовер – от своей, католик – от своей.

Другими словами, они сами *желали раскола*, они добивались его, нарочно затягивали дело, нарочно даже раздражали греков и

очень лукаво старались *настолько разрушить* каноны, чтобы можно было «вылучить», так сказать, все свое население во Фракии и Македонии «из греков».

Но вместе с тем они нарушали эти каноны не слишком уж эффектно и грубо, дабы не привести в ужас русскую дипломатию и русское духовенство, которого многие представители склонялись тогда на их сторону, по недоразумению или по тайному желанию тоже «политиковать» в славяно-либеральном духе... Не знаю, почему...

Вот мы и дошли до второго вопроса.

2-й вопрос. Правильно ли было желание болгар – иметь везде, где только есть болгары, свое особое духовное начальство? – Конечно нет. Такое желание есть прямо искание раскола, и на такие требования у Вселенского патриарха мог быть только один ответ: «Non possumus!»

IV

«Всё то же»

(Т.И. Филиппов и о. Склобовский)

Все то же, все одно и то же и во второй статье о. Склобовского против Т.И. Филиппова. «Греки Фанара», «с греками», «от греков *Фанара*», точно бывало про турок в наших газетах во время войны – «азиатская орда», «с азиатской ордой», «от азиатской орды»!

А между тем знает ли о. Склобовский, что такое «фанариоты» и какой их дух? Фанариоты (т. е. цареградские греки и духовные, и светские) от греков афинских отличаются тем, что они *охранительнее* этих последних; тем, что у них *православные предания* были *долго сильнее*, чем племенные чувства, а у афинских греков наоборот.

Знает ли острогожский священник, что для истинных фанариотов *постепенность политических сочувствий и расчетов* располагается так: 1) *Лучше всего, полезнее* была бы, конечно, *эллино-византийская империя*, если

бы можно было создать греко-православную аристократию; но это невозможно – афинский якобинизм и умеренный либерализм греческого большинства (т. е. общеевропейская пошлость) все подобное затопят, даже и само православие. Афинские греки во многом гораздо вреднее турок; вере турки были издавна полезны, и если они теперь стали с этой стороны гораздо хуже, то этому мы обязаны нашим греческим и югославянским либералам: они выучили турок искусству вредить Церкви; помогли немало этой науке и русские своею нам (т. е. фанариотам) эмансипационною оппозицией. 2) И потому, так как либеральное греческое царство нам, фанариотам, не особенно соблазнительно, то необходимо по возможности охранять Порту; надо Порте служить; надо ее защищать. И я с этим взглядом фанариотов согласен: паша лучше элинского демократического номарха (префекта); паша монархичнее, государственнее, умнее, шире. 3) А если Порту сохранить нет уже никакой возможности, то лучше ладить с Россией, чем с афинской демагогией... Россия сравнительно с Элладой представляется державой

и нацией в высшей степени православною, консервативною, даже «аристократическою».

И это правда, ибо если в России аристократическое начало было слабее выражено, чем на Западе, а теперь дворянские *привилегии* почти вовсе уничтожены, то все-таки у нас, русских, существуют барские *предания*, дворянские *привычки*, аристократические *положения*, рыцарские *вкусы*, а у свободных эллинов, точно так же, как и югославян, ничего этого нет; фанариоты же, сжившиеся с властителями турками, воспитавшиеся под властью все-таки сильной монархии (сравнительно с кукольною конституционною Элладой даже очень сильною), выросшие под непосредственным и давним влиянием Великой и Вселенской Матери-Церкви, фанариоты эти – все более или менее монархического, церковного и аристократического духа люди.

Греческий монах, греческий епископ, не испорченный еще дотла революционно-племенным направлением (как был испорчен, например, известный Ликург Сирский), – вот самые лучшие и верные союзники России на Востоке. Греческие твердые монахи и черно-

горские воины – вот столпы нашего влияния, вот наши опоры! А после них надо для *ближайшего будущего* поставить фанариотов, всех этих аристархов, муссурос-пашей, фотиадес-беев, вогоридесов... Нам *необходимо беречь их*, даже ласкать; не оскорбляться их временным туркофильством, ибо они вместе с высшим греческим духовенством будут самыми полезными для нас людьми, когда мы *возьмем Царьград и присоединим его*... А мы его *взять должны, и возьмем*, ибо другого исхода нам и нет ни из лабиринта Восточного вопроса, ни из трясины наших домашних неустройств.

Старая жизнь на началах 60-х годов оказалась непригодною; нужна жизнь новая, а совершенно новая жизнь всегда требует нового центра, новой столицы; если не прямо административной, то, по крайней мере, культурной (т. е. не чисто русской, не греческой и не исключительно славянской, а православно-восточной или, пожалуй, западно-азиатской столицы).

Избегнуть такого исхода невозможно; а при таком исходе всякий союзник будущего

дорог, каковы бы ни были его *нынешние* или *вчерашние* интересы.

Итак, все это для знающего дело ясно, все это даже *близко*... Сама историческая судьба влечет нас к этому вопреки нашим колебаниям. О чем же беспокоиться *теперь-то* за болгар?.. Государство у них есть и будет свое, и весьма достаточное, если они будут рассудительны. Чего же им больше? Греки серьезно вредить им теперь уже не могут; объявлением раскола они сами выделили из себя болгар и дали им время окрепнуть; собор 72-го года *сам убил* в корне эллино-византийскую «Великую идею». Поэтому можно в 82-м году и оставить славянские пристрастия и судить объективнее и церковнее.

Оно и политически выйдет гораздо мудрее, и для панславизма крепость и устойчивость *Греко-Российской* Церкви необходима, и надо трепетать при малейшем ее потрясении. Да! Кто славянофил или панславист мало-мальски понятливый и не близорукий, тот в болгарском вопросе должен быть за патриарха Цареградского, *ибо он греческий* только по исторической *случайности*, но вовсе не

греческий по историческому значению. По значению он *именно Вселенский*, первопрестольный патриарх, и в самом «Православном обозрении» несколько лет тому назад печаталось сочинение английского (или североамериканского?) писателя Ниля, который прямо говорит, что *Константинопольской патриархии предстоит в случае разрешения Восточного вопроса великая будущность*. (Я привожу его слова на память, приблизительно, но за смысл ручаюсь.)

Довольно нам петь этого сантиментально-го славянского «Лазаря» во что бы то ни стало!.. Это уж слишком наивно, даже в случае небольшого политического коварства. Именно коварство-то такого сорта, либерально-церковного и односторонне-славянского, было бы уж слишком детское... Факты коварнее наших простых эмансипационных соображений... Неужели это не ясно?.. Греко-византийская империя и *слишком «великая» Болгария стали теперь одинаково невозможны и ненужны...*

Как ни судить вопрос этот, все надо стать в нем, *именно в нем-то*, в этом церковном деле,

на сторону греков.

Будем ли мы судить духовно в тесном смысле, – мы должны вспомнить еще раз митрополита Филарета («учредить новую независимую иерархию можно только с благословения законно существующей иерархии») и ответ придубайских русских: «Без благословения патриарха словно грех!..»

Судя духовно, нельзя также успокоиться тем рассуждением, на котором успокаивались у нас иные люди, огорчавшиеся распри наших единоверцев: «Болгары не правы канонически, а греки не правы нравственно».

Правильное рассуждение должно быть следующее: греки правы канонически, но, пожалуй, не совсем чисты нравственно в этом вопросе, потому что действия их, видимо, имели не одну только цель церковного домостроительства или строгого охранения церковных законов, но и политически-племенную цель приготовить себе побольше территории и жителей на случай падения Турции.

Болгары же, требуя экзархата с неопределенными границами, доискиваясь отделения не столько топографического, сколько пле-

менного, и (что важнее всего) создавая себе иерархию новую без благословения прежней, – не правы и канонически, и нравственно. Нравственная нечистота их побуждений видна уже из того, что они *преднамеренно* стремились к расколу – именно к расколу, а не к ереси, – к легкому, неясному, умеренно-либеральному, практическому отщеплению, а не к какой-нибудь мистической и еще более, быть может, опасной, но все-таки искренней ереси. Какая у них там мистика! Узкий племенной патриотизм, национальное самолюбие, – и больше ничего.

Болгары *преднамеренно* и очень искусно искали этого легкого и тонкого отщепления, и *после всякой уступки греков* нарочно новыми требованиями затягивали дело. Напрасно добродушный о. Склобовский полагает даже, что они особенно «раздражались» упорством патриархии; я жил там долго и очень многих из вождей этого движения знаю хорошо. Они даже не особенно раздражались, – они радовались: радовались они и уступкам, и упорству греков; они очень ловко плыли по модному эмансипационному течению; турки

помогали, а мы не смели и не сумели их вовремя остановить.

Раздражились же на болгар греки – раздражились страстно, до ошибки; ибо, оставаясь правыми с церковной точки зрения, они ошиблись именно там, где им совсем не хотелось и не шло ошибаться, – они ошиблись политически; выбросивши болгар из своей Церкви, они исполнили их желание иметь совершенно особое церковное управление и под предлогом этой особой церковности забрать постепенно в свои руки Румелию, Македонию, Фракию, если можно и если посчастливится, то, пожалуй, и Царьград. У греков «Византийская Империя», «Великая Эллинская идея»; у болгар «Великая Болгария», – не все ли это нам равно?

С точки зрения нравственной это для нас давно было *все равно*.

С политической точки зрения – тоже почти все равно; *ибо мы, русские, ни того, ни другого не можем допустить*.

И то и другое – вредный для общего дела вздор. Кроме нас, никто не должен сметь *и думать о Босфоре*, и в этом отношении между

православием и эллинизмом мы должны проводить наиглубочайшую черту.

Как представители православия на Востоке, как хранители Святых Мест, как обладатели патриарших тронов, греки (и в особенности эти самые «фанариоты») должны быть нам дороже всяких других союзников, и с этой стороны хорошо делать им всевозможные уступки.

Что же касается до эллинизма, или до греков, как представителей *своего племенного начала*, то это – смотря по обстоятельствам: можно быть и за них, и против них.

Не следует и с этой стороны непременно и всегда предпочитать им югославян, но всегда *самих себя*; или, лучше сказать, *великое призвание России* должно всегда предпочитать либеральному и сравнительно с этим призыванием *бессодержательному эллинизму*.

Впрочем, не довольно ли?..

Я бы желал прекратить эту специальную беседу и возвратиться к тем более общим вопросам, от которых меня отвлекла досада на отца Склобовского, вздумавшего напасть на Т.И. Филиппова и говорить, что все светские

писатели причиняют Церкви только одну скорбь.

Да и на что все это *теперь*? Ни Св. Синод, ни дипломатия наша, видимо, болгарам более потворствовать *в этом деле* не расположены и не станут. На практике, значит, мнение г. Филиппова торжествует. Книга его имеет замечательное историческое значение, ибо этот мирянин, этот «светский писатель» один в России возвысил свой голос в защиту Вселенского патриарха, канонов, дисциплины и преданий; он возвысил свой голос в начале 70-х годов, в то время, когда все колебались, все недоумевали, все или либеральничали, или *не понимали*, или хитрили, или терялись в хлопотах мелочного «оппортунизма» – и в дипломатии, и в печати, и почти везде...

Книге г. Филиппова суждено *жить*, и славе таких великих христианских заслуг автора предстоит расти; а про заметки и мнения о. Склобовского нельзя сказать даже, что им предстоит умяляться. *Нечему! Ибо кто в наше время* (после 1 марта 81-го г.) *либерал, тот едва ли имеет умственное будущее!* Разве он отступится резко от прежних убеждений. На-

счет взглядов г. Филиппова на греко-болгарское дело можно сделать одно только замечание. Все, что касается до самой греко-болгарской распри, в книге его правильно и до высшей степени ясно; прибавить *теперь* можно разве еще то, что Св. Синод и правительство наше в 72-м году поступили с большою мудростью, *воздерживаясь и от Вселенского собора, и от всякого прямого вмешательства и решения.*

Оно, может, было бы *по-человечески* искреннее и прямее ответить письменно или собрать Вселенский собор. Но вот в чем было опасное и великое затруднение: *письменный, ясный* ответ отсюда *после схизмы*, вероятно, был бы в первую минуту до того благоприятен болгарам, что мог бы привести нас к разрыву с греками. *Крайние, враждебные России эллины, под влиянием английских интриг, пламенно этого желали. Самые серьезные и честные из греческих охранителей этого боялись.*

Церковный же разрыв русских с греками был бы и для нас, и для них, и даже для югославян таким бедствием, о котором и подум-

мать страшно!

Греки остались бы все-таки церковно правее всех; но они сделались бы совершенно бессильными, попали бы окончательно в руки своих «красных» и очень скоро стали бы добычей или Англии, или Италии и Франции, или тех же югославын, против которых мы тогда бы, конечно, защищать их уже не имели бы особых причин.

Славяне же, с Россией во главе, продолжая совершенно напрасно считать себя архиправославными, очень быстро впали бы в какую-нибудь полулиберальную ересь с жена-тыми (например) епископами, без постов, без монашества и т. д. Или бы распались на два лагеря: представители одного, верные преданиям, остались бы с греками, а приверженцы другого дошли бы на воле до каких угодно крайностей пустоты.

Таковы могли бы быть последствия письменного ответа *отсюда в то время*, после местного Цареградского собора 72-го года.

Но Господь сохранил нас от этого ужаса!

Что же касается до собора Вселенского, то там, на месте, под влиянием формальной (т.

е. *верной основной сущности*) греческой правоты, иерархам нашим пришлось бы осудить болгар; и тогда или все болгары перешли бы в униатизм (ибо к этому они, как всем известно, гораздо склоннее греков), или тоже разделились бы на две части: на *покаявшихся православных и на униатов*. В этом случае югославянский элемент уже слишком бы тоже ослабел в Турции, и невозможны бы стали события 76–78-го годов.

Падение Турции задержалось бы дольше, чем нужно для будущности Востока; или бы стала возможнее эллино-византийская империя, что для *православия хуже всего*; ибо два *слишком сильные православные царства*, Россия и сильная морская, богатая, торговая Эллада, пребывая в постоянной и неотвратимой борьбе, растерзали бы и самую Церковь. Именно *два преобладающие царства опаснее многих единоверных и неравносильных царств для мира Церкви*. Вот почему я сказал, что *факты в одно и то же время и церковнее, и словно случайно с виду* (а, несомненно, по смотрению Божию) *премудрее всех соображений наших*.

Сила Божия и в немощах наших познается...

Греки, *раздраженные донельзя* упорным и тонким коварством болгар, выбрасывают их из своей Церкви гораздо решительнее, чем *того требовали бы их* собственные национальные и политические выгоды.

Русская иерархия воздерживается от явного вмешательства; она безмолвствует, но вместе с тем *почти* не допускает болгар до церковного с собою общения. Она остается формально правою, *к отчаянию афинских демагогов!*

Объединенные больше прежнего *посредством своего обособления* и ободренные первым успехом, болгары сбрасывают маску покорности, которую они так еще недавно носили перед турками: у них сил мало; привычки к кровавой борьбе еще меньше. *Но тем лучше* – их *беззащитность для них спасительна...* Их избивают, их режут, жгут!.. Русское войско переходит Дунай... Оно *перед Царьградом...* Но мы не вступаем туда, мы *не присоединяем* его... Ошибка с виду; слабость, быть может, по сознанию, по человеческому расчету. *Но спа-*

сение – по «смотрению» Божию... *В тот год еще мы были недостойны туда взойти, – мы всё бы там погубили...* Мы были тогда слишком либеральны!

Война уничтожила Турцию как *политическую идею* и раздробила ее. Война же (вызванная все теми же ободренными удачным отщеплением болгарами) доказала грекам всю *тщету их мечтаний о Византии* и даже, общее говоря, всю глубокую политическую несостоятельность их в удалении от России... С другой стороны, и русские должны же наконец понять после этой войны, что «без греков (как выразился недавно один из даровитейших дипломатов наших) *нельзя решить успешно Восточного вопроса; ибо в них-то самая сущность его, а славян надо было еще прежде выдумать*». Замечу вдобавок, что этот замечательный русский человек, начавши свою службу в провинциях греческих и коротко с греками знакомый, *послужил и славянскому делу на политической практике едва ли не больше всех других русских деятелей на Востоке...* (Мне очень жаль, что я не имею права его назвать.)

Немало пользы также сделало общему делу и более близкое знакомство русских с югославянами на самом месте их жительства. Русские во многом разочаровались *вовремя*, не слишком рано и не слишком поздно...

Союз скреплен; одностороннее пристрастие остыло.

Все готово – готова ли наша мысль?..

Мне кажется, и она довольно близка к своей зрелости...

Пора!.. Вот как надо судить об этом великом деле!.. Со всех сторон подходя к нему...

А что – о. Склобовский!..

«Болгары желали», «болгары не искали оскорбить патриарха Григория VI...», «Греки Фанара... Греки Фанара...»

«Болгары желали раскола, и греки Фанара исполнили их желание». Эти ужасные и хитрые греки были на этот раз так страстны и так неосторожны, что из-за строгости церковных правил погубили невозвратно ту Византийскую Империю, на которую с такою невинно-дипломатической «экивокой» и «придворною штукой» подмигивает о. Склобовский.

Удивительно тонко и дальновидно!.. Т.И. Филиппов ведь не понимает ничего, охранитель «*pur sang*»[6], – надо его или обличить, или открыть ему самому глаза на эти опасные злоупотребления!.. Я спрашивал себя в начале предыдущего письма, что это у о. Склобовского: коварство или простодушие? Теперь я думаю вот что: насчет *отделения всех славян* от «лживых» и *слишком охранительных* в делах Церкви фанариотов (т. е. насчет преобладания «белого духовенства», архиереев с архиерейшами и т. д.), – пожалуй, коварство. А насчет «угнетения» братьев-славян «греками Фанара» – быть может, и простодушие...

Не довольно ли об этом?.. Я думаю – довольно. В заключение, впрочем, мне крайне желательно привести мнение одного всеми уважаемого православного христианина, *не грека и не славянина* и потому особенно внушающего доверие к своему беспристрастию во всем этом деле.

О прискорбных недоразумениях, существующих между патриархией и русским обществом по поводу «болгарской схизмы», док-

тор Овербек сообщает следующее:

«Патриархия не оспаривает в основании прав национальной болгарской Церкви на независимое существование в тех самых условиях, в которых находятся и другие местные православные Церкви, например, Российская, Румынская, Церковь Греческого королевства и др. Ежели бы (продолжает доктор Овербек со слов греческих иерархов, с которыми ему приходилось говорить об этом предмете) Болгарская Церковь пожелала ограничиться именно таким положением, никто бы конечно и не подумал оспаривать у нее законности ее требований, но, по-видимому, болгары такими правами довольствоваться не хотят; по мнению греческих иерархов, они желают ввести в отношения болгарского народа к патриархии принцип так называемого *φίλετιμοῦς*'а, народности, согласно которому всякий болгарин, где бы он ни находился, вместо подчинения *местному* епископу становится под юрисдикцию своего собственно-го болгарского экзарха; таким образом, в одном и том же городе было бы два православных епископа, что, конечно, противно зако-

нам. По мнению собеседников доктора Овербека, болгарский священник, живущий, например, в Царьграде, не должен подчиняться никому иному, как только Вселенскому патриарху; точно так же, как, напр., греческий священник, живущий в Петербурге, находится ныне в подчинении петербургского митрополита.

«Схизма» – явление тем более прискорбное, что Рим легко может ею воспользоваться и ловить в мутной воде рыбу. Для Рима тем легче будет устроить сильную и опасную для православия пропаганду, что он теперь может действовать под покровом австрийского правительства, которое весьма умно и расчетливо обставило римскую иерархию всеми условиями успешной борьбы с православием в недавних своих приобретениях в Боснии и Герцеговине. Борьба между болгарами и Константинополем может легко повести первых даже к прямому сближению с Римом! Что касается до России, – продолжает доктор Овербек, – то она много выиграла в глазах греков вследствие того, что она столь осторожно отнеслась к последнему болгарскому посоль-

ству, которое было, правда, принято Россией в высшей степени радушно – в смысле *посольства политического*, но коего духовные лица не имели случая участвовать в сослужении с российскими иерархами».

Восстановление добрых отношений между патриархией и российским синодом доктор Овербек считает не только в высшей степени желательным, но и, на основании совершенно достоверных данных, *весьма* возможным. «Восстановление дружбы между ними, – говорит Овербек, – было бы благодеянием для обеих Церквей и, без сомнения, возвысило бы влияние православия на всем свете. Недоразумения произошли оттого, что к вопросам чисто церковным примешались соображения политические. Но, – продолжает он, – эти недоразумения легко устранимы: я явился в Константинополь как открытый друг России и Русской Церкви и не раз имел случай заявлять об этом в моих разговорах с патриархом; тем не менее решительно все отнеслись ко мне с полнейшим дружелюбием.

Греки, – говорит доктор Овербек, – начинают понимать (может быть, не без некоторого

прискорбля), что хотя *номинальное* предводительство в православной Церкви принадлежит им, *фактическое* преобладание перешло уже к славянам (т. е. к русским, около которых группируются остальные славяне). Греки видят, так. обр., что центр тяжести в этом деле переходит на Север, к России, за которой оказывается преимущество не только в более значительном числе ее детей, но, по мнению доктора Овербека, иногда и в более правильном взгляде и на некоторые догматические вопросы. Правда, многие греческие иерархи, получившие образование за границей, возвращаются на родину с немалым запасом русофобии; но зато все те знакомые мне греки, которые окончили свое образование в России, вообще очень дружественно расположены к ней. Было бы крайне желательно, чтобы Россия привлекала к себе молодых греческих богословов и кандидатов богословия и давала бы им возможность оканчивать свое образование в *русских* духовных академиях вместо иностранных университетов, где они вместе с неоспоримым научным развитием получают иногда и некоторый гетеродоксальный коло-

рит.

Сближение между обеими Церквями должно бы исходить от России, как от стороны более сильной. Желание такого сближения, заявленное со стороны Российской Церкви (по крайней мере, в лице более значительных ее представителей), было бы, без сомнения, встречено греками с полнейшим сочувствием; русским было бы легко приобрести расположение и любовь своих меньших братьев — как умеренностью и скромностью, так и снисходительностью к традиционным идеям греков о первенстве Византии».

Вот что говорит Овербек! (Доклад секретаря Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения А.А. Киреева, читанный в заседании Общества 23 марта 1880 года: «О поездке доктора Овербека в Царьград в 1879 году».)

V Гамбетта, Скобелев и Бисмарк[7]

Гамбетта умер...

«Анархии теперь представляется шанс (говорит по этому поводу «Daily Telegraph»). Как бы французы ни скорбели об утрате того, кто мог бы совершить дело отместки и сокрушить Германию, иностранцы не разделяют этих сожалений...»

Я согласен с английской газетой; но у нас, по-видимому, многие думают иначе... Я не говорю о венке, посланном нашими присяжными поверенными на гроб их французского собрата по ремеслу[8]. Это понятно, и удивляться надо только одному: как позволило им сделать это безнаказанно петербургское начальство.

Но вот перед нами передовая статья газеты московской, большею частью серьезной, несомненно патриотической, нередко очень умной... Я говорю о «Современных известиях». К чему этот уважительный тон! К чему

вся эта германофобия или германофагия, которая сквозит между строчками?..

«Для России, в частности, смерть Гамбетты – утрата немаловажная, – говорит эта газета. – Как выскочку, наши дипломаты, по-видимому, его не совсем жаловали. Да и были, действительно, у него не очень приятные замашки зазнавшегося буржуа. Но мы знаем, союз Франции с Россией был для Гамбетты мечтою, и он от всего сердца желал силы для России. Насколько способен был углубиться его ум, чисто французский и потому поверхностный, он соглашался признать исторические задачи России. Довольно сказать, что он связан был самою искреннею приязнию с покойным Скобелевым. И удивительная судьба! Не исполнилось еще годовщины со смерти нашего героя; смерть похищает собеседника, с которым Скобелев делился мыслями и который Скобелеву поверял свои задушевные политические мечты».

«Кёльнская газета» подтверждает этот взгляд следующими словами: «Сближение с Россией против Германии нашло в Гамбетте столь же ревностного сторонника, как и в мо-

лодом Скобелеве... 1882 год унес обоих сторонников идеи русско-французского союза. И это во всяком случае выгода для спокойствия мира» (Welt).

Что ж эта близость доказывает? Она доказывает только, что Скобелев ошибался в этом случае и что политический смысл его был гораздо ниже его военного гения.

Если бы еще можно было предположить, что поведение Скобелева было не искренно и что он делал лишь «демонстрации» для некоторого устрашения Германии и для большего склонения ее государственных людей к союзу с нами... *«если хочешь мира (или союза) – готовься к войне»*, то, конечно, это было бы очень умно и дальновидно. Но можно ли это предположить? Конечно, нет. Хотя подобная долголетняя и слишком тонкая игра очень трудна и опасна, ибо может раздражить того, кем мы дорожим, но она могла бы иметь еще смысл со стороны лица, облеченного *специальною*, так сказать, властью; со стороны министра, посла или, наконец, самого монарха; но Скобелев никем не был «официально» уполномочен для подобного косвенного дав-

ления на Германию, и, по всем признакам, его надежды на союз с Францией были искренни.

Мысль о таком союзе и о французской «отместке» недурна и естественна, пока мы думаем только поверхностно о внешнем, военно-политическом равновесии европейских государств и России. Но для того, кто ни на минуту не хочет забыть заветной, исполинской и вместе с тем весьма осуществимой мечты о независимой, многосложной и новой славяно-восточной цивилизации, долженствующей заменить романо-германскую, – для того всяческое унижение Франции, как передовой нации Запада, должно быть дороже военной победы над Германией. Если бы Германия была теперь такой же либерально-эгалитарной республикой, как Франция, если бы в ней президентом сидел какой-нибудь «честный труженик» вроде Вирхова, то трудно было бы, конечно, решить, которая из двух республик гнуснее, ненавистнее и пошлее... парижская – «tigre-singe»[9], по выражению (кажется?) Вольтера, или та «корова», грациозно играющая на лугу, с которой сравнивал Герцен ли-

берально-революционную Германию.

Германское современное общество, положим, в некоторых отношениях, быть может, еще буржуазнее и хуже (*по идеалам*, а не поведению лиц, – надо понимать эту разницу) французского; но германское государство – монархия; и немецкое общество *еще выносит* это государство; оно еще не настолько пало, чтобы не выносить таких людей, как старый, воинственный император, Бисмарк, Мольтке... К тому же у Германии, *если только она не пойдет прежде времени против России, еще не исполнившей своего рокового назначения и потому политически непобедимой*, есть еще огромные задачи на Западе – присоединение 8 миллионов австрийских немцев (пожалуй, и без выстрела), завоевание Голландии и вытекающее из этого морское соперничество с Англией; весьма возможные и естественные претензии в Балтийском море; дальнейшее унижение Франции, которую, в случае равнодушия России, вовсе не так трудно даже и *разделить* теперь, как Польшу, между Италией, Испанией и Бельгией, оставляя в середине небольшой независимый остаток, и, наконец,

господствовать над всем Северо-Западом, заменив непригодную после великого семилетия (от 71 до 78-го г.) идею культурного *Drang nach Osten*[10] систематическим государственным движением *nach Westen*[11].

Вот какие простые помыслы и вместе с тем нелегкие по исполнению задачи могут предстать даже и подгнившей социально Германии за пределами нынешней империи, если она будет дружить с Россией. Россия нужнее Германии, чем Германия – России...

В самом деле, какое *существенное, органическое*, так сказать, и непоправимое зло может нам сделать Германия в случае войны с нами и нашего поражения?

Отдать Австрии Константинополь?

Это смешно! Надолго ли? Разве в наше время явного антиконституционного поворота идей; в наше время – *аграрно-рабочего движения против меркантильного индивидуализма*; в наше время – не оконченной еще *племенной эмансипации* и не осуществившегося еще *племенного объединения*, – разве может успешно бороться государство... положим... 50-миллионное[12], конституционное и мало-

земельное, почти исключительно меркантильное, наскоро сколоченное в слабую федерацию, без всякого преобладающего и одушевленного единством идеи племени, с государством 80-миллионным, имеющим в среде этих 80 миллионов подданных миллионов более 50 однородного, цельного племени (русских), вдобавок легко одушевимого, с государством *многоземельным, общинным и в котором индивидуально-буржуазный дух так не серьезен, что не выдержал и 20 лет либерального режима*, а породил только крайнее обеднение у одних, безумное, болезненное какое-то грабительство – у других, у третьих – отчаяние и самоубийство, а у самых умных – *совершенное разочарование в благодетельности юридического равенства и гражданской свободы?..*

Разумеется, тут серьезная борьба возможна только в двух-трех регулярных сражениях... и только! У Австрии нет будущего; у России – великая. Вредна ли или полезна будет эта будущность России для остального человечества, разрушительная она будет или созидательная, – это другой вопрос; но что бу-

дущность есть великая – это ясно. Это ясно *из самих отвратительных пороков наших*; мир должен скоро отказаться от идей 89-го года, от *равенства и свободы*; это только не ясно для тех глупцов, которые думают, что нужна еще у нас конституция, чтобы окончательно в этом убедиться...

А если мир должен скоро отказаться от «буржуазной» цивилизации (т. е. от свободы и равенства), то вопрос, какое население (про Австрию нельзя сказать «народ») ближе к новому идеалу (*вновь юридически расслояющему, вновь лица к чему-нибудь или к кому-нибудь насильственно прикрепляющему*): то ли население, у которого *либеральные порядки* держатся лучше и крепче некоторой личной добропорядочности, экономией, трезвостью, какими-то умеренными, ни то ни се, преданиями; или тот народ, у которого эти «буржуазные» добродетели слабее, который, *именно вследствие чутья и сознания своих слабостей*, жаждет крепкой над собою духовной, отеческой власти, любит ее, *ищет чего-то* и волнуется больше душевно, чем политически...

Борьба с одной Австрией для России (до взятия Царьграда или после – все равно) была бы даже и в случае минутной первой неудачи почти триумфальным шествием, и больше ничего. Это не Турция, у которой есть религиозная, великая в своем роде идея; есть, наконец, множество мусульман.

Какое же еще может сделать нам зло Германия? Победивши нас (и с каким трудом, с каким страхом за свое будущее), отнять часть Польши и Курляндии?.. Велика ли эта беда для нас? И возможно ли это без вознаграждения *все на том же необходимом нам Юго-Востоке*? Ведь не легко же достанется немцам и такая неважная победа?

И долго ли бы они пробыли в этой Польше, *если бы мы захотели вернуться и изгнать их*? И многие ли из поляков не перешли бы на нашу сторону тотчас же?

И сверх того, есть ли во Франции способный вождь или нет его, Германия во всяком случае не *совершенно положится на робость и безучастие нации*, равносильной ей по численности, военной по преданиям и оскорбленной ею так глубоко!..

При правительстве слабом даже и *соглашение с Францией ненадежно*; все может измениться в три дня в Париже; не настолько измениться, чтобы воскресить невоскресимое, т. е. величие Франции, но настолько лишь, насколько нужно, чтобы помешать немцам кинуться всеми силами на нас и чтобы дать возможность восточно-славянскому духу свершить свое назначение...

Сам князь Бисмарк говорил в 71-м году французским дипломатам, что «ни на слабое правительство, ни на чувства нации надеяться нельзя в политике, но можно надеяться на единоличное слово сильного государя».

Если мы, русские частные люди, в силах понять все это, неужели германские политики не могут додуматься до таких простых и естественных соображений? Было бы странным предполагать в них подобное затмение; и есть много признаков тому, что в Германии очень хорошо понимают все это. «Оканчивающийся год, – пишут, например, все в той же „Кёльнской газете“, – уносит с собою одну из крупных политических личностей в Европе. Гамбетты не стало. Это был непримиримый

враг Германии, главный представитель того политического направления во Франции, которое стремится к отместке. *Направление это не умрет вместе с ним, но он, во всяком случае, как организатор, как настойчивый предводитель раз установленного плана, был таким лицом, которое не скоро найдет себе заместителя*». Что значат эти слова в стратегическом отношении?

Они значат, что в случае войны с Россией немцам и без *Гамбетты* необходимо будет держать под ружьем на границе Франции около половины своего войска, и только другую половину противопоставить русскому иступлению... Да, именно – *иступлению*, русскому бешенству, не знающему границ... Ибо, как это ни странно с первого взгляда, но можно утверждать, что и крепкий союз, и вынужденная обстоятельствами война с Германией будут у нас в народе *одинаково популярны!* Объяснять причины такой двойственности русского настроения было бы долго; но понятно, что в случае союза и здравый смысл, предпочитающий легкое трудному, будет удовлетворен у русского народа, и старые предания

о дружбе и родстве двух царских родов еще обновятся и окрепнут; а в случае войны припомнятся у нас германской нации даже и все те мелкие обиды, которые наносили нам у нас живущие немцы.

Германское правительство уважается у нас, по слухам и преданиям, даже и мужиком (не любят его только русские либералы); *бюргерство же*, т. е. большинство немецкой нации, вследствие исторических и социальных впечатлений, ненавидится в России донельзя...

Вот в чем разница!..

Неужели гениальный князь Бисмарк не знает и не понимает этой важной разницы?.. Ведь это все так ясно и так просто!

Чтобы вообразить себе, что может нам предстоять с Германией, нам необходимо только предложить себе два вопроса:

1-й вопрос: Выгоднее ли для Германии соглашение с Россией по делам *австро-турецким*, чем война с Россией?

Конечно, несравненно выгоднее. В одном случае – огромные приобретения безо всякого риска и потерь. В другом – *ужасный* риск и га-

дательные выгоды (например, мечты о создании двух, парализующих друг друга, славянских держав).

2-й вопрос: Есть ли в Германии люди, *способные понять*, в чем состоят истинные германские интересы?

Кажется, что есть.

Итак – зачем нам Гамбетта и вообще на что нам *излишняя* поправка Франции?

VI

Какое сочетание обстоятельств нам выгоднее всего?

Иное дело писать о предстоящих нам или о возможных и желательных *политических действиях наших*; иное дело излагать взгляды на предстоящие, возможные или желательные политические *обстоятельства*, долженствующие *обусловить* образ этих действий.

Когда мы говорим о желательных *действиях*, мы даем нечто вроде совета. Когда мы говорим *только об обстоятельствах*, мы делаем нечто вроде предсказания.

Давать советы считается делом более скромным, чем предсказывать или пророчествовать. Не знаю, всегда ли это так. Если, напр., врача не приглашают на консилиум для избрания тех или других способов лечения, не смешно ли будет с его стороны предлагать практические советы? Но если этот самый врач думает, что он предвидит счастливый исход болезни, *если обстоятельства* (да-

же *вовсе и не зависящие от воли больного и его близких*) сложатся так-то и так-то, то я полагаю, что он хорошо сделает, если откровенно выскажет кому-нибудь свою мысль. При таких условиях самое смелое пророчество гораздо скромнее непрошеного совета.

Так хочу и я поступить в этом письме. Советовать я никому не призван; но предвидения и предчувствия мои нахожу полезным сообщить хотя бы и тем немногим людям, которые могут сочувствовать мне.

Какие же обстоятельства выгоднее всего для *той высшей цели*, к которой мы, русские, *вовсе и не думаем сознательно стремиться*, но к которой *фатально влечет нас история*, отчасти вопреки ошибкам нашего «по-европейски» настроенного разума, отчасти благодаря самым этим *счастливым* ошибкам?[13]

Но прежде еще чем изложить мой взгляд на эти обстоятельства, надо напомнить: *какая же эта самая высшая цель?*

Я сказал во 2-м письме моем, что Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, – это целый мир особой жизни, осо-

бый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности.

Поэтому не изгнание только турок из Европы и не эмансипацию только славян, и даже не образование во что бы то ни стало из всех славян и только из славян племенной конфедерации должны мы иметь в виду, а нечто более широкое и по мысли более независимое.

Это более широкое и по мысли независимое должно быть не чем иным, как развитием своей собственной, оригинальной славяно-азиатской цивилизации, от европейской (или романо-германской) настолько же отличной, насколько были отличны: эллино-римская от предшествовавших ей египетской, халдейской и персо-мидийской; византийская (распространявшая свое влияние до IX, X и XI веков и на западные страны) от предшествовавшей ей эллино-римской, или, наконец, настолько, насколько была отлична новая, последняя романо-германская цивилизация от предшествовавших ей и отчасти поглощенных и претворенных ею органически

цивилизаций эллино-римской и византийской[14].

Подобная историческая цель достигается, конечно, веками, сознательными и бессознательными усилиями целого ряда поколений, их прямыми и косвенными, совершенно даже иногда нецелесообразными действиями; но история доказывает нам, что некоторые удачные предприятия и решительные поступки влиятельных и власть имущих лиц, увлекающих за собою толпы или приостанавливающих известное движение, определяют дальнейший тип или стиль культурного развития и могут считаться поворотными пунктами всеобщей и частной истории. Примеров на это множество, и я нахожу даже лишним их здесь приводить. Они должны быть известны из учебника.

Таким поворотным пунктом для нас, русских, должно быть взятие Царьграда и заложение там основ новому культурно-государственному зданию. И так как несомненно то, что человечество стало по всем отраслям жизни теперь самосознательнее, чем было тогда, когда происходила смена прежних ве-

ликих культурных типов, то главные черты предстоящей культуры можно даже, сообразно с примерами прежнего, и приблизительно угадать, *особенно с ее отрицательных сторон*. Но здесь речь не столько о самой этой цели, сколько об обстоятельствах, выгодных для ее достижения.

Обстоятельствами, выгодными для нас и для всего славяно-восточного мира, я считаю приблизительно следующие:

- 1) *Скорая война с Австрией или Англией.*
- 2) *Соглашение с Германией.*
- 3) *Анархия во Франции.* Прежде или после нашей войны – это второстепенный вопрос.
- 4) *Неустройства в Болгарии и Сербии; грубые промахи короля Милана и неблагодарность либеральных болгар и сербов.*

Объяснюсь подробнее:

1) Скорая и несомненно (судя по общему положению политических дел) удачная война, долженствующая разрешить восточный вопрос и утвердить Россию на Босфоре, даст нам сразу *тот выход* из нашего нравственного и экономического расстройств, который мы напрасно будем искать в одних внутрен-

них переменах. Раз вековой сословно-корпоративный строй жизни разрушен эмансипационным процессом, *новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной*. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а *главное, необходим новый центр, новая культурная столица*.

Само собою разумеется, что Царьград не может стать административной столицей для Российской Империи, подобно Петербургу. Он не должен даже быть связан с Россией в той форме, которая зовется в руководствах международного права «union réelle»[15], т. е. он не должен быть частью или провинцией Российской Империи. Великий мировой центр этот с прилегающими округами Фракии и Малой Азии (напр., до Адрианополя *включительно* и вплоть до наших теперешних границ около Карса) должен *лично* принадлежать Государю Императору; т. е. вся эта Цареградская или Византийская область должна под каким-нибудь приличным названием состоять в так называемом «union personelle»

[16] с Русской Коронай. (Наподобие Финляндии или прежней Польши, или наподобие Норвегии, в которой король шведский есть нечто вроде наследственного президента.) Там само собою, при подобном условии, и начнутся *те новые порядки*, которые могут служить высшим объединяющим культурно-государственным примером как для 1000-летней, несомненно уже устаревшей и с 61-го года заболевшей эмансипацией России, так и для испорченных европейскими влияниями афинских греков и югославян.

Поставленный, с одной стороны, с Россией только в *личное*, а не в *реальное* соединение; призванный, с другой – стать не административной только столицей одного государства, а культурным центром целого греко-славянского союза или нового восточного *мира*, Царьград не легко подвергнется опасности, что в него целиком и спроста перенесутся устаревшие привычки демократизованного за последнее время Петербурга, а напротив того, сам этот, столь вредный, цивилизованный, но *не культурный* (не культурный, значит, по-моему, *несвоеобразный*) Петербург начнет

быстро падать и терять значение, и в самой России административная столица почти невольно перенесется южнее – вероятно, не в Москву, а в Киев.

Итак, будут тогда две *России*, неразрывно сплоченные в лице государя: *Россия – Империя* с новой административной столицей (в Киеве) и *Россия – глава Великого Восточного Союза* с новой культурной столицей на Босфоре.

Таков наилучший и даже единственно возможный исход наш из современного нашего положения; и для скорейшего достижения подобной цели позволительно русскому гражданину *желать*, чтобы Австрия или Англия каким-нибудь слишком дерзким поступком, или сама Турция какими-нибудь новыми и нестерпимыми беспорядками вынудили бы нас воевать.

Если бы я призван был советовать, то я бы даже посоветовал *довести их поскорее* до этого. И лучше бы *все-таки* начать с Австрии; ибо тогда одно чувство самосохранения дало бы нам нравственное право направить из Карса войска к Босфору. Воюя с Австрией, мы

имели бы полное право позаботиться, чтобы нашей армии никто не угрожал с юга.

Турция пала бы тогда сама собою. Все эти австро-русские соглашения и «лестные приемы», о которых пишут в газетах, могут быть очень искренни, благоразумны и т. д. Но... и Шлезвиг-Гольштейнское соглашение кончилось битвой при Садовой и извержением Австрии из Германского союза.

Ведь я сначала предупредил вас, что буду говорить больше о благоприятных *обстоятельствах* для целей высших (культурных), чем о похвальных и полезных *действиях* для целей низших (утилитарных, напр., для меньшей потери людей и денег).

О русских столицах необходимо заметить здесь еще нечто особое, нечто такое, с чего приличнее, пожалуй, было бы даже начать, ибо это очень важно. Из всех культурно-государственных образований, возникших, павших и существующих ныне со времени Рождества Христова, только у двух подобных исторических организмов была до сих пор склонность переменять столицы: у *мусульманства* и *России*. Все остальные государства и

культурно-религиозные организации в Западной, близкой к нам Азии, в Северной Америке, в Западной Европе и в ее грубом продолжении – новейшей Америке, центров своих не меняли, и жизнь всех этих государств и культурных организаций была и есть неразрывно и неподвижно связана с *каким-нибудь городом*. Папство с Римом, Франция с Парижем, австрийское государство с Веной; нечего и сомневаться, что с переходом Вены в общегерманское владение погибнет Австрия безвозвратно. Великобритания, понятая как Англия в тесном смысле, как соединенное королевство Великобритании и Ирландии, а не как культурное всесветное поприще англосаксонского племени, неразрывно связана с Лондоном, несмотря на всю свою децентрализацию, и связь эта выразилась резче именно с той поры, когда *стиль* английской культурной государственности определился впервые с ясностью, т. е. с эпохи Тюдоров. Мелкие государства Италии и Германии, имевшие прежде (особенно в первой) каждое свой особый культурный оттенок, все были связаны с определенными городами, со своими второ-

степенными столицами... *Единая Италия*, давно тяготевшая к Риму, естественно и в очень короткое время овладела им. Остается еще сомнительным – возможно ли и удобно ли будет даже и для совершенно объединенной Германии перенести, после *неизбежного* падения Австрии, свою столицу из скучного Берлина в приятную и веселую Вену? Не слишком ли это будет близко к границам *того же неотвратимого Восточно-Славянского Союза*? Я сказал, что только Россия и мусульманство меняли *не раз* свои столицы. Мусульманство, начавшись в Мекке, перешло потом в Багдад, Бруссу, Адрианополь и Царьград; и, покинув Царьград, оно должно будет искать себе новый центр в Азии или в Африке или окончательно разлагаться и угасать, подобно религии Зороастра.

Россия начала свою историческую жизнь в Новгороде; но очень скоро перенесла свой центр в Киев, потом во Владимир и Москву, потом в Петербург и теперь, видимо, рвется от него опять к югу... Итак, религиозная культура исламизма и государственность русского племени со стороны этой «непоседности»

сходны. Но, с другой стороны, разница между ними огромная. Исламизм, меняя центр, *менял племя, менял государственность, но сам не менялся*, как и следовало ожидать от своеобразной религиозной культуры. Русское племя и русская государственность, имея в себе всегда мало оригинального, всякий раз, *меняя центры, меняли и нечто весьма важное в своем культурном типе*, во всем строе своей жизни и в духе своего мировоззрения. Новгород – первый зародыш государственности и племенного объединения: призвание варягов; Киев – православие и начало удельной системы (какая-то неудачная попытка своеобразного устройства); Владимир (ненадолго – такое же преддверие Москвы, как Новгород – преддверие Киева); Москва – падение удельной федерации; царство; утверждение восточно-византийского культурного стиля; новый порыв, так сказать, из «варяг в греки»; Петербург – Европа; обратный порыв «из греков в варяги», но с сохранением огромного, уже крепко нажитого, византийского запаса. С 61-го года нашего столетия крайний европеизм, по-видимому, торжествует; *иллюзия* «благо-

денственной», эвдемонической демократизации увлекает петербургски настроенную интеллигенцию всей России; начинается разложение петровской России по последним европейским образцам. Тысячелетию русской государственности ставят памятник в Новгороде; а тысячелетие для государств – цифра роковая и страшная, ибо очень немногие государственные формации прожили больше 1000 лет; большинство прожило меньше! И вероятно, если бы не было этого спасительного Восточного вопроса и этого великого Царьграда, то памятник гордости нашей в 62-м году стал бы памятником разочарования и отчаяния... чуть-чуть не надгробным!.. Но в эти же самые роковые года (61-й, 62, 63-й) возобновляются с новой силой те юго-славянские и греческие движения, которые мало-помалу разложили Турцию, сделали невозможной Византию эллинскую[17] и приготовили нам путь к чему-то новому, к чему-то такому, что должно же быть своеобразно-созидающим, чтобы не стать только разрушительным (и, заметим, не по-европейски, а уж гораздо более разрушительным!..).

Третьего пути быть тут не может, и назад мы уже более в делах восточно-славянских идти не в состоянии.

Вот почему я нахожу, что чем скорее, тем лучше. Цареградская Русь освежит московскую, ибо московская Русь вышла из Царьграда; она более петербургской культурна, т. е. более своеобразна; она менее рациональна и менее утилитарна, т. е. менее революционна; *она переживет петербургскую.* И чем скорее станет Петербург чем-то вроде балтийского Севастополя или балтийской Одессы, тем, говорю я, лучше не только для нас, но, вероятно, и для так называемого «человечества», ибо не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей входил на Синай, что эллины строили свои изящные Акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах *для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической*

своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?..

Стыдно было бы за человечество, если бы этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки!..

Чем скорее война, тем выгоднее для высшего идеала!

2) *Соглашение с Германией.* Об этом я подробнее говорил в 3-м письме[18] и повторять здесь того же не буду, даже и кратко. Напомню только вот о чем: в 1-м моем письме (№ 83 прошлого года) я сказал, что средства для достижения целей наших, разумеется, надо выбирать самые легкие, но только до тех пор, пока это не вредит высшему идеалу нашему. Если же эти легкие средства осуществлению высшего идеала (*культурному отделению от Запада*) вредят, то надо нам быть готовыми и на всякие жертвы, лишь бы это призвание наше не упустить из виду. Например, если б Германия, положим, предложила нам поделить Турцию с Австрией, т. е. отдать Австрии в полное обладание западную часть Балкан-

ского полуострова до Салоник, а самим взять Малую Азию, Босфор и часть Фракии с Адрианополем, то такое сочетание обстоятельств, по моему мнению, надо счесть *невыгодным*. И не только легкая война с Австрией, но и кровопролитная война с самой Германией, с моей точки зрения (государственно-культурной, а не утилитарно-эвдемонической), должна считаться условием несравненно более выгодным, чем соглашение, подобное вышеприведенному. Казалось бы, с точки зрения *легкости* и удобства приема, *начать* с Турции, а кончить Австрией выгодно; т. е. выгодно, допустив австрийцев господствовать над западной частью Балканского полуострова года на три, на четыре, изгнать их оттуда позднее победоносно; но не надо забывать, что Австрия – страна более *либеральная и вообще более европейская, чем Россия*, и в три-четыре года власти может некоторыми сторонами своего либерального европеизма развратить сербов и албанцев еще гораздо больше, чем католичеством. Восстать-то сербы и албанцы восстанут под нашим знаменем несомненно против Австрии позднее, но *некоторые стру-*

ны, и без того у них (особенно у сербов) слабые, могут совершенно оборваться; напр., православное чувство, которому либеральный европеизм гораздо больше вредит, чем само католичество. Югославы и без того православные весьма плохие, и не будь на Востоке греков, особенно греков столь напрасно поруганного у нас *фанариотского духа* (т. е. *просто старомосковского*), то за будущее православной Церкви на Востоке можно бы решительно отчаяться.

Вот одна из главных причин, почему механический, «*травматический*», так сказать, вред большой войны надо предпочитать химическому и тонкому отравлению европеизмом тех именно стран, к которым тяготеет все более и более гений нашей истории. Из войны с Германией мы также выйдем победителями, не потому, что наше войско окажется непременно лучшим, или генералы наши непременно проявят необычайную находчивость, но потому (это уж *непременно*), что Восточно-Славянскому Союзу *нужно быть*, потому, что ему *предназначено создаться*, и Германия об эту идею *разобьется точно так*

же, как разбились Австрия и Франция об единство Италии и Германии...

Я говорил, что племенная эмансипация есть не что иное, как оттенок общей эгалитарной революции, но именно потому-то ее идея и должна быть вполне (или приблизительно) исчерпана прежде, чем демократизация и Запада, и Востока, достигши до своей точки насыщения и до полного в самой себе разочарования, не заставит человечество выйти на новые и *творческие* пути, вместо тех разрушительных, по которым оно так самонадеянно и глупо стремится с конца прошлого века.

Есть еще одна частность по поводу Германии и славян; было бы большим счастьем, если бы немцы *заставили бы* нас предать чехов на совершенное съедение германизму. Иначе можно опасаться, что они попадут тоже в состав великого Восточно-Славянского Союза; это было бы великим бедствием. Чехи – это европейские буржуа по преимуществу, буржуа из буржуа, «честные» либералы из «честных» либералов. Их претенциозное и либеральное бюргерство гораздо вреднее своим

мирным вмешательством, чем бунты польской шляхты. Это тоже химическое, внутреннее отравление. Их гуситизм гораздо опаснее иезуитизма; иезуитство и папство осязательны, стройны, охранительны, ясны, наконец, гуситизм же есть лишь отрицание католичества; революционное племенное знамя оппонирующего по-европейски чешского мещанства. Нет гуситской религии; есть только гуситская критика, гуситское отвержение всего положительного. У Лютера есть хоть аугсбургское исповедание; у гуситизма исповедания нет, а есть только «охи» и «ахи» протеста и пусто-славянского фразерства! Эгалитарного либерализма довольно и у нас, и у болгар, и у сербов, и у греков, и у румын, и у словаков, а теперь даже и в Польше; довольно его и без чешского ученого, трудолюбивого и мещански настойчивого контингента.

Вопрос в том, как ослабить демократизм, европеизм, либерализм во всех этих странах, как задушить их, а не в том, как подбавить им еще чего-то архилиберального и архиевропейского...

Если бы нужно было проиграть два сраже-

ния немцам, чтобы *обстоятельства* заставили нас с радостью отдать им чехов, то я, с моей стороны, желаю от души, чтобы мы эти два сражения проиграли! Я знаю, *славы* у нас останется еще довольно в конечном результате и при этой *частной* неудаче.

О том, почему нам выгодны анархия во Франции и некоторые ошибки и неустройства в югославянских землях, я поговорю в следующем письме.

VII

Какое сочетание обстоятельств нам выгоднее всего?

В предыдущем письме я сказал, что *третьим* выгодным для нас условием я считаю анархию во Франции (прежде или после взятия нами Царьграда – это вопрос второстепенный).

Почему же это так? Я затрудняюсь ответить на это, *потому что мне стыдно за несогласных со мною!* Но отвечать, хотя бы очень кратко, необходимо; ибо опыт жизни убедил меня, что большинство не то чтобы «наших соотечественников», но вообще большинство, претендующее понимать («la médiocrité collective» [19] по определению Дж. Ст. Милля), понимает *поздно*... Было же время, когда и я не ясно все это понимал. Нужно поэтому снисхождение и к другим...

Вот чего я, например, не понимал лет 15–20 (положим) тому назад, а теперь понимаю, благодаря, конечно, помощи хороших

книг и статей, о которых я ниже и упомяну с признательностью.

1) Франция была передовая страна Запада с самого начала развития романо-германской культуры. Франция – это романо-германская Европа по преимуществу, это такой исторический факт, который можно назвать математически или физически точным. С этим согласны и сами французы всех партий, и все иностранцы, как сочувствующие Франции, так и ненавидящие ее. Во Франции *все общеевропейское*[20] выразилось резче, яснее, нагляднее, так сказать, чем в других странах Запада. Борьба реальных сил общества – сил социально-политических, властей, сословий, классов – была во Франции выразительнее и как бы последовательнее, чем те же движения в Англии, Германии, Италии, Испании. Во Франции смена владычеств: церкви, дворянства, монархии, буржуазии – была определеннее и как бы резче и решительнее. Все те движения, которых результаты должны были иметь широкое и бесповоротное влияние на судьбы всего романо-германского мира, происходили или вследствие прямой француз-

ской инициативы и под французским руководством; или когда эти движения зарождались и разрослись в Италии, Англии, Германии, то всякий раз для распространения их на всю Европу и далее требовалась французская популяризация, французская переделка их *местных форм в общедоступные*. Распадение Церквей, т. е. выделение католичества из общеправославного единства, – *выделение, определившее бесповоротно самые основные и резкие особенности будущей романо-германской истории*, совершилось под непосредственным влиянием французского монарха Карла Великого. Во главе крестовых походов стало прежде всех французское рыцарство. Французы же довели и принципы рыцарства до наистрожайшего и наитончайшего их выражения. Союз городских общин с королем против феодальных дворян был во Франции постояннее и яснее, чем в истории других европейских государств. Монархия во Франции была блистательнее и абсолютнее, чем где-либо; только Людовик XIV во всей Европе имел логическое право сказать: «*L'Etat c'est moi!*»[21] Моды и общественные обычаи Франции гос-

поддвуют везде уже около 200 лет, и до сих пор люди не решаются от них отказаться, несмотря на то что они пережили сами себя, исказились под влиянием демократического строя общества; несмотря на то, что они не только неудобны и смешны, но и нецелесообразны; ибо моды и светские обычаи имеют в виду *изящество, эстетику*, а моды и обычаи Франции XIX века давно уже, за исключением весьма немногих своих сторон, *весьма неизящны и некрасивы*. Они даже в высшей степени, *до беспримерности*, так сказать, *исторической, вредят развитию хорошего реализма в современном искусстве*. Поневоле все пишут на картинах мужиков (людей поглубже), когда людей потоньше и *психически более интересных и сложных изображать по внешнему безобразию их одежды* (особенно мужской) *на картине нельзя!* (Какой же слепой не видит, например, на батальных картинах Верещагина и других художников, до чего *европейский русский солдат* выходит на бесстрашном и беспристрашном полотне безобразнее и кукловатее *азиатского низама*; не говоря уже о мусульманах в чалме и т. п.)

Атеистически-либеральное движение умов началось в Англии, но общечеловеческий вред причинило это направление только через посредство Франции XVIII века.

В конце того же прошлого века и в начале XIX практическое приложение этих идей Руссо, Монтескье, Дидерота и Вольтера к государственной жизни во Франции приняло иступленные, фанатические размеры, произвело сперва либерально-эгалитарный террор внутри сословно-монархической Франции, а потом под знаменем Наполеона целым рядом неслыханных побед убеждало остальную Европу в необходимости и силе этих революционных идей и, несмотря на низвержение Наполеона, во всех остальных государствах Европы, где раньше, где позже, где быстрее и опрометчивее, где осторожнее и медленнее *распространялась, однако, эта самая демократическая революция без террора, а путем мирных и легальных реформ. (Прием, конечно, более приятный, – плоды те же, не менее ядовитые!)*

Франция первая укрепила христианскую религию на Западе; она же первая начала

смело и открыто вытравливать ее из жизни. Франция скорее других держав довела монархию до высшей точки величия и блеска; она же первая и решилась стать настоящей демократической, эгалитарно-либеральной республикой. Французское дворянство было в свое время образцом изящества и блеска; французский буржуа есть нынче образец пошлости, грубоватости или изломанности и дурных манер (*физически* даже очень дурных). Герцен справедливо заметил, что даже лица у этих буржуа всё какие-то некрасивые и ничтожные (и это до того верно, что стоит только сравнить портреты Трошю, Шанзи, Мак-Магона и других генералов новой Франции с портретами Бисмарка, Штейнмеца, Мантейфеля, даже злого и бритого Мольтке, а также с портретами французов XVIII, XVII, XVI века, чтобы понять, до чего Герцен прав[22]). И в этом отношении, значит, в отношении *вырождения, падения, унижения всяческого*, Франция тоже остается *передовой страной* романо-германской Европы, раньше доходившей и доходящей до *всего того, до чего суждено дойти всей романо-германской Европе...* Па-

дать – так падать во всем и совсем! Социалистическое учение во всех его главных видоизменениях (от Бабёфа до Кабе и Луи Блана) зародилось и развилось во Франции; и во Франции же начались и *первые* бунты рабочих, под этим уже не *граждански-юридическим*, но *экономическим* знаменем. В Париже и во Франции люди прежде других *решились* жечь исторические здания и картины, взрывать церкви и выбрасывать из школ (легальным порядком) распятия... Даже великая, охранительная, художественная английская конституция должна была пройти сквозь французское арифметическое какое-то опошление, чтобы иметь возможность принести везде тот вред, который она принесла на континенте Европы, разбившись, наконец, о священную скалу русского самодержавия.

Замечу, что все это, перечисленное мною здесь без особого внимания и несколько второпях, гораздо последовательнее, точнее и вообще несравненно лучше изложено у Гизо в его превосходной «Истории цивилизации», у Данилевского в истинно великой (хотя и очень дурно местами написанной) книге

«Россия и Европа», и, если меня не обманывает память, в одной очень хорошей статье г. А. Градовского в журнале «Заря» (за 69 или 70-й год). У каждого из этих авторов свои оттенки и своя цель, но все они приводят мысль к одному результату: Франция – это Европа *par excellence*[23]; это «путь» романо-германской цивилизации; *primum vivens – primum moriens* [24] западноевропейской государственности.

Итак?

Итак, вывод до грубости прост: если для дальнейшей независимости восточно-российской мысли от мысли романо-германской, для выступления на новые, иные пути культурной по идее и форме государственности необходимо, чтобы в глазах людей Востока (которые не очень дальновидны) престиж романо-германской цивилизации поскорее все падал бы ниже и ниже, если для достижения той умственной независимости, без которой не для чего, по-моему, долго и жить одной политической независимостью, необходимо, чтобы подобострастные предрассудки в пользу европейской цивилизации поскорее перешли бы в свирепое предубеждение против нее,

то надо желать, чтобы как можно скорее и окончательно компрометировала бы свой гений та страна, которой принадлежит инициатива современно понимаемого прогресса (т. е. прогресса не разнообразного развития, а всеравняющего революционизма). Надо, чтобы новые европейские идеи, господствующие с XVIII века и до сих пор, доказали бы как можно скорее и яснее свою несостоятельность. *Нынешнее большинство решительно не понимает, что пошло и неизменно, что в жизни изящно или величественно; не понимает даже, что государственно и что негосударственно (даже А.И. Кошелев доказал, что он ничего этого не понимает). Но это ограниченное большинство сейчас понимает, что ему удобно и что неудобно. Надо поэтому желать, чтобы, наконец, само существование стало бы решительно неудобным в передовой стране либерально-эгалитарной по духу Европы XIX века.*

И в этом смысле я не знаю, почему бы людям, желающим России идеального блага (т. е. духовной независимости), не желать от всего сердца гибели и окончательного унижения

той стране или той нации, которой дух и во дни величия, и во дни падения представлял и представляет собою квинтэссенцию западной культуры, хотя и отживающей, но еще не утратившей вполне своего авторитета в глазах того отсталого большинства русской интеллигенции, которое *теперь еще* имеет наивность верить в какое-то «демократическое и благоденствующее человечество».

Франция была передовой страной католицизма, лучшей опорой западной Церкви; она стала *передовой страной атеизма*; она давно пала, таким образом, как *пример религиозности*; Франция вознесла монархию на высшую точку славы; она же начала (*во имя прогресса*) казнить королей, изгонять их, менять династии; она *давно перестала быть примером монархической лояльности*. Франция первая уничтожила у себя аристократию; люди серьезных аристократических убеждений и вкусов *давно перестали ей через это сочувствовать*... Французская нация долго была самой победоносной, самой героической нацией Европы; но в 70-х годах эта нация потерпела такое поражение, что в глазах людей воен-

ных или чтущих воинственность она стала чуть ли не самой последней нацией с этой точки зрения. Но за то, что Франция республика, и республика демократическая, якобинская, у нас многие прогрессисты, многие либералы, нигилисты явные и тайные (осторожные, робкие – *служащие*, напр.), ей еще сильно сочувствуют; надо желать, чтобы якобинский (либеральный) республиканизм оказался совершенно несостоятельным и не перед *реакцией монархизма*, а *перед коммунарной анархией*; ибо монархическая реакция все-таки прочна не будет, а только собьет еще раз с толку наше и без того плохое общественное мнение, ненадежная монархия будет только *томить*, как томит осужденного на смерть больного медленная агония; она будет длить обманчивое и зловредное влияние европейских либеральных идей; торжество же коммуны *более серьезное, чем минутное господство 71-го года*, докажет, несомненно, в одно и то же время и *бессилие «правового порядка»*, *искренно проводимого в жизнь* (чем искреннее, тем хуже!), и *невозможность вновь организовать народу на одних началах экономи-*

ческого равенства. Так что те государственные организмы, которым еще предстоит жить, поневоле будут вынуждены избрать новые пути, вовсе непохожие на те пути, по которым шла Европа с 89-го года. Большинство не умеет ни *отвлеченно предвидеть*, ни *художественно предчувствовать*; большинству нужны *наглядные* примеры...

Прибавляю еще вот что: возможно ли серьезное (хотя, повторяю, опять-таки временное) торжество и господство коммуны без вандализма, без *вещественного разрушения* зданий, памятников искусства, некоторых библиотек и т. д.? Конечно нет, и при нынешних средствах разрушения обратить большую часть Парижа в развалины и груды пепла гораздо легче, чем было во времена древние разрушать другие великие культурные центры – Вавилон, Ниневию, старый Рим и т. д.

А этого и нужно желать тому, кто жаждет новых форм цивилизации на берегах Босфора.

Разрушение Парижа сразу облегчит нам дело культуры даже и внешней в Царьграде.

И неужели это только бессильное желание

варварской зависти? Не думаю! Не вернее ли, что это нечто вроде пророчества, если не совсем уже научного, то полунаучного, гипотетического, по индуктивному способу из примеров исторических выведенного.

В следующем письме буду, *скрепя сердце*, говорить о славянах и о том, почему их ошибки и даже, пожалуй, и некоторая степень неблагодарности могут быть нам выгодны. Здесь же заранее скажу только два слова об этом: *Ошибки и неблагодарность югославян могут быть нам выгодны по той же самой причине, по какой нам выгодны и неустройства во Франции. Интеллигенция югославян слишком похожа на французскую или общеевропейскую буржуазию, и если она несколько лучше, то разве только тем, что она еще гораздо хуже ее.*

Это я надеюсь объяснить очень просто.

VIII

Итак, теперь следует о югославянах.

В прошлом письме моем я сказал так: «Ошибки и неблагодарность югославян могут быть нам выгодны по той же самой причине, по какой нам выгодны и неустройства во Франции. Интеллигенция югославян слишком похожа на французскую демократию, и если она несколько лучше, то разве только тем, что она гораздо хуже ее».

Чем же хуже и чем лучше наши «братья славяне» современных французов и вообще европейской интеллигенции?

Хуже они тем, что интеллигенция их стоит еще дальше на пути эгалитарного индивидуализма, чем интеллигенция устаревшей Франции. Хуже они тем, что у них нет и тени тех могучих тормозов (*легитимизма, ультрамонтанства, аристократизма, национально-военных и рыцарских преданий* и т. д.), которые в течение целого века сдерживали Францию на наклонной плоскости ее эгалитарного

ниспадения и ослабели окончательно только в 60-х и 70-х годах нашего века. Хуже славяне тем, что они все сплошь либералы, конституционалисты и демократы; что у них нет ни тех впечатлений в душе, ни той социальной почвы под ногами, которые воспитывают людей мыслящего и властного охранения. Что касается до простолюдинов, до болгарского и сербского земледельца, до черногорского воина, до чешских и словацких крестьян и рабочих, то у них охранение есть лишь дело привычки и незнания, и кроме буржуазии, в высшей степени обыкновенной и европейской по типу своему, они ничего из среды своей, предоставленные самим себе, выделить до сих пор не могли. Югославянская интеллигенция, говорю я, не имея за собою никаких могучих *собственно местных национальных монархических, аристократических и даже особенно сильно выраженных религиозных преданий*, представляет собою тип *чистейшей плутократической демократии*. В этом смысле не только южное славянство, т. е. болгары и сербы, но и славянство австрийское, т. е. словаки, чехи и хорваты, – одним словом все

славяне (за исключением русских и поляков) самые демократические по строю своему нации. Все монархическое, все аристократическое и даже, говорю я, все религиозное господство над ними в течение веков более или менее, хотя и в разной степени и по разным причинам, было или совсем чуждо им, или, по крайней мере, не соединено со славой народных преданий. У болгар и сербов Турции все это было греческое или турецкое; у австрийских славян – швабо-мадьярское.

Этим-то они хуже даже итальянцев, французов и немцев-бюргеров, ибо плутократически-либеральное устройство общества есть самое бессодержательное, ненадежное и беспринципное из всех общественных устройств. Нет ни сильных, *привычных обществу* привилегированных властей, ни могучих, вне либерального *благоденствия* стоящих и поэтому дисциплинирующих это общество, – *идеалов...*

Но *именно поэтому-то*, что общество южных и западных славян по природе своей еще либеральнее и эгалитарнее, чем нынешнее общество Франции, – *оно и лучше*. Строй этого

общества до того уже не прочен, жизнь эта до того бессодержательна, до того не идеальна по духу или смыслу своему, до того поэтому *не надежна, что долго так она простоять не может.*

Славянство, после неизбежного падения Турции и Австрии, вынуждено будет самой *непрочностью* своего либерально-плутократического строя выйти скоро *вслед за Россией на какой-то новый исторический путь.*

Теперь, пока Турция и Австрия еще существуют, славянство занято преимущественно вопросами политики внешней; оно прежде всего заинтересовано отношениями своего племени к немцам, туркам, мадьярам и грекам. После удаления турок с Босфора, после неминуемого разрушения Австрии и после необходимого образования на развалинах этих двух держав великого Восточного Союза под гегемонией России славяне вынуждены будут устремить все внимание свое на дела внутренние, на свой *социальный строй*. А так как события на западе Европы в то же время идут своим чередом (и даже очень быстро); так как социализм *либеральный* (т. е. револю-

ционный) растет там не по дням, а по часам, то грядущие, близкие и всеми ожидаемые перемены в Европе романо-германской не могут не отозваться и на славяно-греческом Востоке.

Ясно поэтому следующее соображение: *если после падения Австрии и Турции и во время того, как будут слагаться совершенно новые условия Восточного Союза, – во Франции, Италии, Испании (и даже, может быть, в Германии и самой Великобритании) индивидуальнo-плутократический и конституционно-демократический строй общества окажется нигде не годным и уже слишком неустойчивым, то все восточные и славянские нации, которым необходимо будет так или иначе войти в состав вышеупомянутого Великого Союза, принуждены будут из чувства самосохранения произвести у себя дома прогрессивно-реакционные реформы, которые могут придать их обществам больше стойкости и уменьшить в недрах их ту лихорадочную подвижность, которой так болезненно увлеклись все наиболее образованные нации мира; сначала Франция со дня объявления прав че-*

ловека (с 89-го года прошлого века); потом вся романо-германская Европа (с 48-го года нынешнего столетия) и, наконец, и наша Россия с 61-го года.

И при этом естественно, что те нации и те государства, в которых *прежних сословно-корпоративных устоев было меньше*, должны, движимые силой русского самодержавия и вдохновляемые примером русской покорности, скорее прийти к тем *нелиберальным условиям*, при которых потребуется организация *подобных же устоев, совершенно новых по частным формам, но вечных по существу своему*. Говорю еще яснее: таким нациям, в хорошем смысле *отсталым* (т. е. по сравнительной неопытности и патриархальности) и в самом дурном смысле *передовым* (т. е. крайне эгалитарным по строю), – *легче будет перешагнуть прямо к практическому отвержению ложных начал 89-го года*, т. е. к отвержению не только экономического, но даже и гражданского *всеобщего равенства и всеобщей личной свободы*, чем тем государствам и нациям, которые *изболтались*, так сказать, за *целый последний век в атмосфере буржуаз-*

но-плутократического либерализма. Весьма вероятно, что самый аграрно-рабочий вопрос (взятый не с точки зрения революционно-либеральной, т. е. не со стороны вопроса личных прав или всеобщего экономического равенства, которое невозможно, а только со стороны материального обеспечения, отчасти и насильственно-легального, данного властью, подобно, например, принудительному обеспечению нашей русской крестьянской общины), весьма вероятно, говорю я, что этот вопрос есть не что иное, как маскированная и сама себя еще не понявшая корпоративно-словная реакция будущего.

Есть основания думать и надеяться, что осуществленная в государственно-культурной практике аграрно-рабочая идея оказалась бы не чем иным, как *новой формой феодализма и больше ничего*; т. е. новым, особого рода закрепощением лиц к разным корпорациям, сословиям, учреждениям, внутренне-принудительным общинам и отчасти даже и другим лицам, как-нибудь особо высоко карьерой или родом поставленным.

Поэтому, чем более мы будем убеждаться,

что дальнейшее развитие человечества не на началах личного равенства и личной свободы, а на принципах совершенно противоположных, должно привести народы к новому горизонтальному расслоению и к новой вертикальной группировке общин, примиренных в высшем единстве безусловно монархической власти, — тем станет яснее, что тот либерально-эгалитарный процесс, которым восхищается интеллигенция всех стран с конца прошлого века, — есть именно то, что обыкновенно называется революцией, т. е. легализованная, медленная, хроническая анархия.

Рациональная, научно-самосознательная Европа не могла и не хотела разлагаться эмпирически, неожиданно, нечаянно, как разлагались и падали прежние государства и культурные миры; она выдумала рациональный самообман демократического и утилитарного прогресса. Древний Египет, Эллада, Рим гибли тоже от уравнительного смешения; от демократизации, от плутократии, от материализма, от усиления, если не везде легального, то, по крайней мере, фактического равенства прав и свободы положений; но они неизбеж-

ную смертельную болезнь не считали гигиеническим идеалом и не оправдывали *теоретически* это *самоубийственное движение*, не называли его восторженно прогрессом к *чему-то лучшему*...

Определить демократический прогресс как *разложение* очень важно, между прочим, и для того, чтобы исправить наших анархистов легальных, тайных и даже наивных и бессознательных, к числу которых принадлежат, к сожалению, еще очень многие русские (даже и теперь, после ужасного события 1 марта 1881-го года). Такими умеренными анархистами я называю всех либералов наших.

Я вовсе не говорю, что все они злонамеренные люди; я хочу только сказать, что они не понимают, *куда идет дело*, и не хотят верить, что нам, русским, надо *совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества*.

Для того же, чтобы стать во главе этого человечества и сказать *свое слово*, надо прежде всего отречься не от прогресса, правильно по-

нятого, т. е. не от сложного развития социальных групп и слоев в единстве мистической дисциплины, но от двух ложных европейских принципов: 1) от утилитарно-эвдемонического, всеполезного, благоденственного направления реальной науки и заменить его честно-скептическим и во многих случаях даже пессимистическим направлением этой науки; и 2) от либерально-эгалитарного понимания общественного прогресса; и заменить это детское мировоззрение философией, более верною действительности, которая учит, что все истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается никак не благодаря повальной свободе и равенству, а благодаря разнообразию положений, воспитания, впечатлений и прав, в среде, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью.

(Дополнение 1885 г.)

Второе мое указание, кажется, довольно понятно; оно подразумевает само собою: незыблемость самодержавия; укрепление Церкви и заботы о церковном воспитании народа и высшего общества; утверждение и раз-

витие общины и вообще начала неотчуждаемости (даже и дворянских земель, напр.), вообще уменьшение подвижности общественного строя, ограничение безусловной свободы купли и продажи и т. д.

Что касается до первого, то есть до того, что я позволил себе назвать пессимистическим направлением реальной науки, то тем, кому это не ясно, я могу указать, во-первых, на «Поучение при освящении новых зданий вокзала железн. дор. в Одессе, пр. Никанора, еп. Херсонского и Одесского». («Православное обозрение». 1884, октябрь.)

Это поучение – превосходный образец смелого и прямого пессимистического отношения к знаменитым изобретениям и открытиям ненасытного XIX века. Образцов же эвдемонического и утилитарного, то есть противоположного воззрения на все эти усовершенствования, такое множество, что затруднение только в выборе. Их найти можно везде и сколько угодно.

Как на другой пример скептического и отрицательного отношения к индустриальному, техническому и т. п. богатству нашего

времени можно указать еще на публичные лекции г. Астафьева (читанные им недавно в доме Коншина, на Пречистенке); две первые лекции были даже прямо и озаглавлены так: «Наше техническое богатство и наша духовная нищета».

Г. Астафьев доказывал, что *быстрота* современной жизни, ее *излишняя подвижность* и все это *смешение* сословий, наций, обычаев, религий не могут не отражаться крайне вредно и на *психическом* состоянии человечества; от этого смешения происходит неясность, непрочность, неопределенность, неустойчивость душевной нашей жизни.

Еще должно упомянуть здесь вообще о сочинениях Влад. Серг. Соловьева. В его книге «Критика отвлеченных начал», в его недавнем прекрасном сочинении «Религиозные основы жизни» и во всех других статьях и брошюрах этого замечательного русского мыслителя мы находим одну основную, опять-таки *пессимистическую мысль*: *бессилие* нашего духа, *необходимость* боговластия, *подчинение рационализма мистике*, *подчинение всего грубо понятного и реально доступного та-*

инственным высшим началом, непонятным для самодовлеющего в мелочности своей рас-судка, но жажде веры вполне доступным и, можно даже сказать, осязательным!

Я полагаю, этих трех примеров будет до-вольно, и они одни доказывают, что *русский ум мало-помалу срывается с утилитарно-эв-демонического пути буржуазного европеизма и находит свой!*..

Заметим здесь еще очень простую, но в высшей степени важную вещь. *Пессимизм общего мировоззрения или неверие в возмож-ность земного счастья, земного благоустрой-ства и земной всесправедливости дает обык-новенно в частных житейских случаях опти-мистические плоды.*

Человек, философски разочарованный в земном человечестве, *не будет от людей слишком требователен*: он будет меньшим доволен. Он не будет *ребячески мечтать о зо-лотом веке* на земле, достигнутом путем ра-дикальных революций, уравнительных ре-форм или путем неслыханных еще физи-ко-химических изобретений.

Пора разочароваться во всем этом и пора

ожидать, что сама точная наука в близком уже XX веке приведет нас вовсе не к тем *восхитительным* результатам, на которые надеялись передовые люди в XVIII веке и в первой половине истекающего столетия!

Пора!

IX

Будущность Царьграда

Восемь лет тому назад среди глубокого политического затишья вспыхнуло ничтожное герцеговинское восстание...

Три года позднее русские войска стояли у ворот Царьграда, и был заключен Сан-Стефанский мир...

С тех пор стало ясно, что судьба Турции решена безвозвратно и что государству этому более не жить.

И для нас настали дни расчета за все наше прошлое.

Восточный вопрос, раньше чем мы думали, явился перед нами во весь свой исполинский рост, и мы вынуждены идти вперед по темному лабиринту событий...

От русского общества, которое столько лет училось все осмеивать, во всем сомневаться, столько лет изощрялось в насмешках над самим собой и в отрицании всех прежних идеалов своих, – от этого изолгавшегося и охлажденного общества потребовалась внезапно

вера в себя, в свое историческое призвание... Потребовались в одно и то же время и терпение, и смелость...

Враги внутри, враги извне... Опасность там, измена здесь... Сомнение везде...

И при таких-то условиях призывается к делу в высшей степени трудному, не только по размерам вещественной борьбы, но и по сложности самой задачи, – это русское общество, привыкшее так давно жить чужим умом...

Сама бессильная в коллективном уме своем «интеллигенция» наша, не умеющая мыслить *не по-европейски* даже в лице большинства прославленных публицистов и вообще писателей своих, пугающаяся всякой самобытной мысли или презиращая ее как пустую оригинальность, если эта мысль принадлежит соотечественнику, эта интеллигенция наша, во все время недавно оконченной борьбы, ничего не умела сказать, как только, что турки варвары, что власть башибузуков над христианами позорна и что Англия – *коварна*...

Зато теперь русское общество и русская

литература отдыхают... Русский ум опять в своей тарелке...

Он может опять взяться за легкую, привычную работу отрицания и вопиять, что *дипломаты* виноваты во всем...

В чем же именно?

В том, что Восточный вопрос не кончен вполне или, по крайней мере, что он решен не в том виде, в каком он был *почти* кончен по Сан-Стефанскому договору. История решит, кто был виноват и кто прав... Нам многое еще остается неизвестным. Вопрос до того важен и дело так сложно, интересов разнообразных и противоречивых затронуты со всех сторон такое множество, что судить в настоящую минуту можно только о двух крайностях: или о самой ближайшей злобе дня, или о самых общих и самых неминуемых течениях великих событий...

Можно, например, руководясь примерами истории и некоторыми уже доступными научному пониманию общими законами политической жизни, *чувствовать*, что окончательное торжество должно остаться за нами, но как, когда именно и каким именно путем...

Союзом с кем, победой над кем и когда... и где... Кто может теперь это ясно предвидеть!

Так было и во время последней войны. Были, например, люди, которые сначала, вопреки всем колебаниям событий, *твердо верили*, что война с Турцией будет, – и они не ошиблись. Были люди, которые и во время плевенских неудач были убеждены, что это только задержка и что мы подступим к Царьграду... И события оправдали их. Но частностей никто предвидеть не может. Еще пример. Понимая хорошо европейскую историю, можно было *предвидеть* наверно в семидесятом году, что Франция будет побеждена, но и те, которые были хорошими пророками в этом случае, не предсказывали, например, седанского плена и других, вероятно, очень важных частностей. Мы не можем еще знать всех тех тайных влияний, которые действовали на берлинском конгрессе, и теперь не можем предвидеть новых подробностей великой политической драмы, в антракте которой мы живем в настоящее время.

Мы можем только предвидеть одно – что занавес опустился ненадолго и что главные

действующие лица готовятся снова занять свои места...

Вот в эти-то дни *роздыха* хорошо было бы без готовых фраз, без особого негодования против *естественных* наших врагов и без всякого пустословного пристрастия к союзникам, без всяких нападок на *дипломатию нашу* (за то, что она много уступила...), взглянуть на различные, предстоящие нам возможности и на те опасности, которые могли бы нам грозить даже и при полном торжестве. Вероятно, окажется, что дипломатия наша поступила прекрасно, уступивши все, что нужно было временно уступить для лучшего устройства дел на Востоке в будущем. Вероятно, история отдаст справедливость и тем русским дипломатам, которые в Сан-Стефано требовали *наибольшего*, именно потому, что предвидели неизбежно уступки совокупному давлению Европы; и тем, которые в Берлине уступали *наименьшее*, когда это давление уже обнаружило свою силу вполне. Но думать так спокойно не свойственно политической критике нашего времени... И отчего не уметь видеть и других еще более полезных результа-

тов?

Все, что случилось, было, например, еще в высшей степени тем полезно, что Англия вынуждена была вполне раскрыть свои карты... Нам раз навсегда стало ясно, что не столько мусульманство, сколько Англия нам *естественный и вечный враг на Востоке*.

Можно доказать, что есть даже *несколько степеней примирения с мусульманами*. С Англией же соглашение едва ли возможно. Г. Гладстон в другой форме и другими приемами, *может быть еще худшими*, будет вредить нам точно так же, как и всякое торийское министерство.

Мы знаем, например, чего желают западные либералы всех оттенков... Эмиль Жирарден ратовал одно время за Россию в своих статьях, – но как? Не во имя *русских интересов*, а во имя каких-то общих либеральных и коммерческих идей, убийственных для нас в данном случае. Ему нужен *нейтрализованный Босфор*; он надеется, что кровь русских воинов должна быть проливаема за интересы европейских лавочников!..

Быть может, и у Гладстона есть нечто по-

добное на уме...

И, конечно, глядя на это, нам остается только воскликнуть: «О! Боже, избавь нас от *подобных друзей*; а с явными врагами мы справимся сами...»

В этом-то смысле, говорил я, сохранить турок временно в Царьграде нам было гораздо выгоднее, чем видеть их *несвоевременное* удаление...

Вот главные и самые существенные и даже великие результаты Берлинского конгресса... Эти плоды усилий дипломатии нашей драгоценны! И дальнейший ход дел покажет, сумеем ли мы воспользоваться или нет этой *политической и дальновидной победой*.

Много сокрушались у нас еще и о том, что войска наши не заняли Царьграда... Но какая была необходимость его *временно* занимать? Победа и так была ясна; и вступить в Царьград стоило только в том случае, если бы можно было бы из него *не выходить* никогда обратно. Лучше было не поднимать дела о проливах и Царьграде до тех пор, пока нам это невыгодно; лучше было сохранять там турок и даже защищать их, чем, удаляя их

несвоевременно, предавать Царьград и проливы на произвол судьбы.

Сущность в том, что у нас нет середины между Царьградом турецким и Царьградом русским. Если нельзя сейчас сделать Царьград русским, то пусть будет Царьград султанским городом, лишь бы нам сохранить его для самих себя и *притом как можно менее во всех отношениях испорченным*. И в самом деле, чем может стать Царьград по удалении из него турок?

Он может стать или каким-то «интернациональным» городом если не по названию непременно, то *по духу*, по исторической роли своей или просто собственностью какой-нибудь великой державы.

Из народов соседних, живущих на Востоке, могли бы еще претендовать на обладание Босфором только болгары и греки. Но их непримиримого антагонизма уже одного достаточно, чтобы устранить сразу всякую мысль о способности как и тех, так и других владеть этим «перлом». Детские мечтания греков о «Великой идее», т. е. о восстановлении греческой Византии до Балкан и далее, и

мелочной патриотизм болгар, которые, не умея возвыситься до славяно-вселенских интересов, готовы постоянно расстраивать и сокрушать нетерпеливыми раздорами православную Церковь (единственное серьезно охранительное начало в славизме), в равной мере делают эти оба народа недостойными властвовать на Босфоре... И грекам и болгарам одинаково необходима дружеская, но твердая рука; рука, справедливая и к тем и к другим, во имя общеправославных интересов. Им нужны – в одно и то же время – елей любви для их разверстых язв и бич отеческий для обуздания их претензий, их пустой и мелочной гордыни. Держать елей в одной руке и бич в другой может только одна православная Россия!..

Мне кажется, говорить о том излишне, что русский народ не в силах будет выносить мысли об Англии или Австрии, владеющих Царьградом – колыбелью веры, объединившей нас у престола царского.

Если бы даже при каком-нибудь несчастном и почти невозможном сочетании обстоятельств Англия и захватила бы Босфор и вла-

дела бы даже им десять, двадцать лет, то и тогда бы никто у нас с этим положением дел не помирился бы, и изгнание англичан стало бы с той поры новым призванием России на Востоке. Претензии же Австрии, по-моему, просто были бы смешны.

В русском обществе (я говорю, *в обществе*, а не *в народе*) многие по непониманию сущности вопроса мирятся скорее с мыслью о великом «вольном городе» на Босфоре.

Но что такое этот «вольный город»? Если этот «вольный город» будет не что иное, как некоторого рода «муниципальная республика чисто местного характера», равно независимая от Греции, Болгарии и даже России в своих внутренних делах и Западу вполне чуждая, то эта муниципальная, местная республика тотчас же должна будет, по слабости своей, позаботиться о том, куда ей прикннуть, чтобы сохраниться. Неизбежен будет сильный гарнизон; сильный флот для защиты ее самобытности от западных и каких бы то ни было посягательств.

Этот гарнизон и флот должны быть или какими-нибудь общими, смешанными, союзными

ми, т. е. они должны быть составлены из частей русских, греческих, болгарских, черногорских, румынских, под чьей-нибудь (конечно, русской) преобладающей командой или просто *русскими*. Последнее гораздо проще, осуществимее, вернее и... может быть, даже было бы приятнее для всех этих единоверных нам наций, решительно не способных ни в чем, даже в самом здоровом, уступить друг другу.

Таким образом, подобного рода «вольный город» характера чисто местного станет немедленно, с одной стороны, центром общевосточного или общеправославного соглашения, вероятно, имеющему принять юридически определенную форму конфедерации; а с другой – эта новая столица христианского Востока, столица *политическая*, так сказать, но не *административная*, по неизбежному требованию обстоятельств, стала бы немедленно чем-то вроде русской военной стоянки. От этого один шаг до русского наместничества. (Если я говорю: «военный лагерь», «военно-морская станция», «русское наместничество», то, разумеется, я называю вещи только

приблизительно, не претендуя предрешать, в какой именно форме выразится эта необходимая для организации самого славяно-христианского Востока связь России с Царьградом. Вероятно, отношения эти должны будут принять какие-нибудь особые своеобразные формы, как вследствие самого отдаления Царьграда от центра русской администрации, так и по разноплеменности его населения. Итак, если Царьград станет «вольным городом» только для христиан Востока и России, а вообще для Запада предметом посторонним и недоступным, то слово *вольность* может относиться лишь до *внутреннего, муниципального, думского управления городом* или иметь тот смысл, что в конфедерацию христианских царств и княжеств Востока (с Россией во главе) должна войти между прочим и какая-то особая *цареградская республика*, не принадлежащая непосредственно ни России, ни Греции, ни Болгарии, ни Сербии, но равно нужная всем им как культурно-исторический центр, как центр религиозный, торговый, национальный и военный.

Центры внутренней администрации у

каждого из этих государств могут остаться свои, но Царьград должен стать немедленно средоточием общевосточного единения и *центральной оплотом против посягательств европейских держав*. К этому, по крайней мере, мы должны стремиться. Это наш долг.

Что касается до вопроса: согласится ли на это так называемая Европа, то это дело лишь практических препятствий, которые устранятся или нет, смотря по тому, благоприятны или нет внешние обстоятельства.

Если современная Италия, которой «великие» дела могут возбуждать лишь улыбку постороннего человека, выждав свое время, могла завладеть Римом, имеющим, как центр католичества, несравненно более важное для Запада значение, чем Царьград, то чего же не может сделать Россия... если *теоретическая сторона* ее призвания будет ясна ее сынам?

Итак, вопрос о городе *вольном* только для нас – людей Востока – кончен.

Ясно, что этот *номинально вольный* город должен очень скоро стать *русским на деле!*

Теперь о городе *нейтральном*; о городе *нейтрализованном* для всего мира или для

всей Европы, по крайней мере.

Конечно, эта форма самая доступная, потому что большинство западных держав может легко ее допустить, предпочитая такого рода исход исключительному владычеству как Англии или Австрии, так и России в этом, драгоценном со всех сторон зрения, пункте...

Это форма окончательного разрешения Восточного вопроса, говорю я, самая доступная, самая благоприятная, может быть, с точки зрения тех держав, которые не так прямо, как Россия, и Австрия, и Англия заинтересованы в делах Востока.

Но зато для России подобная сделка была бы историческим *самоубийством*. Вся история ее борьбы за свободу христиан и славянства оказалась бы каким-то ужасным самообольщением; воюя и борясь политически целые века под знаменем Восточного Православия, русский народ, приблизясь к главной цели борьбы, внезапно увидал бы под ногами своими пропасть.

Нейтрализованный и поставленный под общий контроль Европы Царьград стал бы очень скоро самым опасным очагом крайне-

го международного космополитического радикализма.

История имела бы право сказать тогда, что мы освобождали христиан от так называемого «ига турок» для того, чтобы повергнуть их и самих себя в водоворот глубочайшей анархии.

Мы не должны обманывать себя более — *вся Европа почти одинаково* разъедается глубоко разрушительным движением умов; и есть признаки, по которым можно думать, что Германия поражена этим недугом еще сильнее, чем сама «передовая» Франция.

Здесь не место входить в рассуждение, так ли мечтательны стремления социалистов, как они кажутся с первого раза; достаточно признать, что эти стремления живучи, что бедные классы *всех стран без исключения не могут не сочувствовать им, раз они стали для них* понятны; что ложная вера в возможность *общего благоденствия* на земле воспитывается в образованных обществах XIX века не одними Прудонами, Кабе и Лассалями, но и множеством людей умеренных и честных, отвергающих крайности, особенно преступ-

ные по приемам своим, но согласных с радикалами в том, что прогресс в смысле свободы, равенства и мирного приближения к идеалу земной справедливости и земного вседозволения – есть вещь прекрасная, вполне законная, есть цель высокая, а не ложь одна или замаскированный всякими юридическими формальностями путь к *тому же*, к чему без околичностей желали бы прийти радикальные люди, т. е. к разрушению всех известных и привычных нам политических обществ, к уничтожению всех отличий религиозных, государственных и национальных. *Либералы* всех стран сами не видят, что они готовят мировой *экономический переворот*, воображая, что человечество в угоду им захочет остановиться. Вера в необходимость *экономического переворота*, присущая социалистам, побуждающая их свершать даже преступления и жертвовать своею собственною жизнью, – *есть факт*; безумна ли эта вера, ошибочны ли эти надежды, или есть в них какая-нибудь доля возможности для практического осуществления – это еще вопрос; но несомненно одно: что социалистические стремления в со-

вокупности своей суть сила, с которой необходимо считаться. Впрочем, кто же этого не знает?

Социализм со всеми его разветвлениями есть не что иное, как вполне законное по логике происхождения детище тех прогрессивно-эвдемонических идей, тех верований в благо земное от равенства и свободы, которые Франция объявила в 89-м году и которые в других странах Европы распространились без гильотины и без больших народных восстаний весьма разнообразными путями.

Революция совершается и совершилась везде одинаково; но во Франции посредством взрыва, а в других странах посредством более мирного и постепенного изменения в идеях, верованиях, правах и учреждениях. Загадку до сих пор составляют еще одни славяне. Так как они не сказали еще до сих пор в истории никакого своего слова, а были во всем без исключений подражателями других, доводя только нередко чужое до крайности, то многие в Европе и в наше время не знают, как нужно им смотреть на Россию и единоверных ей народов Востока: с ужасом или с симпатией?..

Мнения об этом очень разнообразны, но все *чего-то ждут от нас...* Ждем и мы от самих себя *чего-то*, выходящего из ряда... на такой *отрицательной* вещи, как идея простой гражданской свободы.

Идея свободы (свободы *от чего? Для чего? И во имя чего?*), сказано давно уже многими, есть лишь понятие чисто отрицательное и значит, что личность, или нация, состоящая из лиц же, или какой-нибудь класс людей должен встречать как можно менее препятствий и ограничений со стороны Церкви, государства, общества и семьи на жизненном пути своем. Но во имя *чего*, для какого *идеала* дается и требуется эта *свобода*? Тут ответ один – для *блага*, для большего удобства и счастья *на земле*.

С XVIII века, со времени Вольтера и Руссо, проповедуется все это благоденствие с разными вариациями, в разных формах и с разными приемами; но сущность одна: идеал – вера в возможность большего и большего удобства земной жизни; результат же – *разрушение* постепенное или бурное всего прежнего, во что человечество верило. Самые искренние и бла-

гие намерения различных деятелей в этом смысле и направлении достигают, с одной стороны, по-видимому, своей цели вполне, с другой – немедленно родят *новое зло, возбуждают новые неудобства и страдания*, или небывалые прежде, при старом порядке, или не замечаемые, потому что они были заслонены от сознания людей другими неудобствами, другим злом, при прежних порядках более чувствительным.

Но пока не совершится роковое и неотвратимое дело славянского объединения, никто не может решить, чем мы будем: новым Римом, соответствующим современным требованиям; Римом, который дал свои государственные и гражданские идеи миру; или *Македонией*, которая своего ничего истории не дала, а только, разрушив все доступное ей, смешала все восточное со всем западным и приготовила этим хаосом путь для римской государственности, для византийского православия и германской феодальности (из сочетания которых выросла позднее та европейская цивилизация, в которой и мы воспитаны).

Я говорю – роль России и славянства не обозначится ясно до тех пор, пока не объединятся все христиане Востока под гегемонией России в какую-нибудь конфедерацию. Объединение это, эта конфедерация *невозможны без центра*. Центра такого, *кроме Царьграда*, нет ни у славян, ни у христиан Востока, вместе взятых.

Сделать Петербург центром славянского единения – это значит просто присоединить всех славян. Но не это имеется в виду, и это было бы своего рода несчастьем как для России, так и для единоверцев ее, по причинам, которые так ясны, что я считаю излишним о них здесь и говорить.

Если ни Петербург, ни Москва, ни даже вновь обруселый Киев не могут стать средоточием политического славизма, то по другим, тоже до грубости ясным причинам нельзя сделать столицей *славянства* ни Белграда, ни Филиппополя, ни Тырнова. Это было бы смешно и думать. Сербская нация слаба, даже взятая во всей совокупности своей.

А болгары, которых географическое положение гораздо выгоднее и многозначитель-

нее, сами бы не могли бы удержаться в своих второстепенных столицах, если бы даже и возможно было придать им это неподобающее значение, – их тянуло бы в Царьград, как во времена Крума и Симеона.

Итак, еще раз – роль России и славянства в истории определится лишь при единении; для единения нужен центр не столько административный, сколько общеполитический, религиозный и культурный. *Этим центром может быть только Царьград!*

Без Царьграда нет славянского единства, нет того *идеального славизма*, к которому, по видимому, столькими изворотами вела нас история; к которому она идет и пойдет, вопреки всем задержкам и препятствиям, с первого взгляда кажущимися непреодолимыми.

Мы можем *откладывать* это решение; *предотвратить* его не может никто! Не мы вызвали, например, последнюю войну; мы не желали ее. Ее вызвали и союзники наши, и враги: герцеговинские селяне, черногорцы, турки, Англия.

Никогда, быть может, исторический *fatum* не выразился так ясно, как во время послед-

них событий на Востоке. Никто, кроме Англии, быть может, войны не желал. Россия не искала ее; Турция боялась; Австрия хотела бы ограничиться одной дипломатической игрой. И все эти нежелавшие войны державы – Турция, Россия, Австрия, – насильственно занимаемая сербские земли, вовлеклись в нее.

Не Россия, может быть, вызовет и вторую войну: но война эта будет, и торжество наше несомненно.

Политическое торжество России на Балканском полуострове, говорю я, несомненно – это так; но что создаст на Босфоре это ничьим оружием неотвратимое торжество: культурный ли центр славянского обособления или очаг неслыханного всесветного радикализма, – вот в чем вопрос!

Х

Будущность Царьграда

Создать на Босфоре, по удалении султанского правительства, «вольный город» не в тесном каком-нибудь и ограниченном восточном смысле, наподобие греко-славо-турко-армянского Франкфурта, а в смысле более широком, *всеевропейского* значения этого – значило бы создать великий очаг всесветного разрушения.

Почему же нейтрализованный Царьград был бы так вреден?

Почему он стал бы немедленно главным очагом самого крайнего радикализма?

По многим причинам.

Париж до последнего времени считался тем опасным центром, из которого по всему миру распространялись разрушительные учения; столицей, которой население с конца прошлого века подавало самый опасный для государств пример периодического и большею частью успешного сопротивления властям. Сначала парижские бунты имели толь-

ко либеральные идеи – идеи гражданского равенства и политической свободы; потом с сорочковых годов эти восстания были плодом стремлений к уравниванию экономическому, к изменению отношений между трудом и капиталом.

Коммунистические и социалистические идеи, как я уж не раз говорил и как многими еще прежде меня доказано, суть только естественное и дальнейшее развитие того самого западного либерализма, который теперь с ужасом отступает от своего детища и напрягает все силы свои на борьбу с ним.

Париж был сначала почти единственным центром всякого рода разрушительных пропаганд. Впоследствии времени политическая революция децентрализовалась: она в Цюрихе, в Италии, в Берлине, в Лейпциге, в русских городах; и, если в Турции, Греции, Сербии и Болгарии действия ее не так еще заметны, то это лишь потому, что в этих запоздалых странах еще не кончен вопрос о внешней политической независимости. Национальная эмансипация еще не вполне совершилась, и потому социализм, так сказать, отложен до

тех пор, пока Восточный вопрос не будет окончательно решен удалением турок, не допускающих для себя *равенства с христианами*.

С первого взгляда все это движение христиан кажется не столько *демократическим*, сколько *национальным*. Но это лишь одна из *особых форм* общего процесса демократизации всей Европы, как Западной, так и Восточной. Эти формы вызваны местными условиями: слова *другие*; видимое знамя – иное; сущность – та же; либеральное уравнение, т. е. первый шаг к *дальнейшему*... Чтобы весь Запад и весь Восток Европы вступил в серьезную борьбу по вопросу социалистическому, необходимо прежде устранить все другие заботы, необходимо, чтобы человечество покончило дело уравнения гражданского во всех запоздалых странах.

Есть даже, как я говорил в других письмах, некоторые весьма серьезные основания думать, что нигде социалистические идеи не могут распространиться так легко, как в среде освобожденных народов Турции.

Но об этом после.

Итак, я говорил, что было время, когда Париж был единственным революционным жерлом Европы. С тех пор международная революция сделала большие успехи и стала неуловимее. Она *везде; но собственно специального центра она себе еще не нашла. Изгоняя турок и не заменяя их охранительное давление собственной дисциплиной на Босфоре, Россия создаст этот специальный центр международной революции, которому легко будет затмить устарелый Париж...*

Царьград поставлен в особые условия, в высшей степени благоприятные такому результату.

Все другие столицы Европы (и Азии, конечно, еще более) имеют более или менее национальный характер.

В Париже, Берлине, Риме есть все-таки огромное накопление охранительных начал, дающих отпор движению слишком быстрому и переходящему законные пределы. В Париже, напр., в отпор социалистическим стремлениям всякий раз образуется целая масса совокупных, консервативных элементов, имеющих возможность производить сильную ре-

акцию, и хоть на время она приостанавливает прогрессивное разрушение, к которому идет такими быстрыми шагами старое европейское общество. Париж – столица с великими национальными преданиями; Москва и Петербург – слиты воедино; в Париже найдется еще довольно много и католических интересов, с которыми всякая реакция вступает в союз; есть сильное духовенство, *единое*, господствующее, признаваемое так или иначе, больше или меньше, но всеми, даже и республиканскими правительствами. В Париже масса населения – французы. В Берлине масса населения – немцы. В Риме масса населения – итальянцы.

Вот что главное.

Для удержания общества в некотором равновесии и в Париже, и в Берлине, и в Риме – *власть национального происхождения* находит всегда в среде родной национальности, преобладающей в столице и в целой стране, множество интересов охранительных, связанных любовью и выгодами, честью и честолюбием, верой и боязнью, с преданиями и порядками прежних времен.

То же самое мы найдем и у себя, не только в национальной Москве, но даже и в искусственно созданном Петербурге.

Что же подобное мы можем найти в Константинополе?

Пока в нем господствовали турки – ход дел в общих чертах был сходен с ходом дел во всех столицах. *Мусульманская власть*, по временам очень сильная, опиралась на массу мусульман, которых интересы как духовные, так и вещественные требовали *определенных форм* мусульманского порядка. Дело не в том, как эти порядки отзывались на христианах; дело в том теперь, чтобы сравнить Царьград турецкий с Царьградом международным.

Мусульман много, и они вооружены; войско мусульманское; государь мусульманский; духовенство очень влиятельно. Худо ли, хорошо ли правила иноверцами эта сила, но она *правила*; ее боялись, ей повиновались, ей даже нередко вынуждались служить и недовольные ею.

Но вот турки ушли за Босфор; они покинули Царьград. Царьград «нейтрализован». Что в нем осталось? На какую *сплошную*, однород-

ную национальную массу охранительных интересов должна опереться *власть*? И какая это *власть*?..

Могучий *международный конвент* или слабая *международная комиссия*?..

Сильна эта *власть*; она в такой роскошной местности, богатой и своеобразной, захочет скоро стать вполне независимой от Лондона, Петербурга, Берлина и Парижа. Она поведет *свою особую* пропаганду в среде незрелых и без того уже демократически организованных населений.

Слаба эта комиссия – она возбудит лишь смех и презрение... Ее надо будет скоро низвергнуть, как *гнилую директорию* Барраса...

Население Константинополя состоит из турок, греков, армян, евреев, болгар и местных франков (католиков); это главные стихии... Сверх того, в городе много черкесов, черногорцев (называемых там хорватами), есть немцы, итальянцы, французы и т. д.

Хотя цифр точных у нас под рукою теперь нет, но, соображаясь с воспоминаниями моей довольно долгой жизни на Востоке, – я думаю, не ошибусь, если скажу, что греков, напр., на

Босфоре верно *столько же, сколько и самих турок*, если не больше. Армяне, евреи, болгары считаются десятками тысяч. Число местных католиков не так много, но все-таки сила их значительна, вследствие связей с Европой и внешних влияний.

Я хочу всем этим сказать, что разнородные, этнографические и вероисповедные группы в Царьграде гораздо между собою равномернее и равносильнее, чем в других столицах.

Пока был султан с мусульманским войском, власть (какая бы то ни была) могла опираться на массу мусульманского охранения и сдерживать до поры до времени народные страсти.

Султана нет; войска мусульманского нет. Кто же будет господствовать в среде этого пестрого, почти равномерного со всех сторон населения?..

Европейцы?.. Проходимцы и отверженцы всех стран? Или *местные* люди? Но в последнем случае будет что-нибудь одно: или анархия; постоянная, уличная даже борьба между греками, славянами, евреями, армянами, му-

сультманами (если они останутся), ибо они все достаточно равносильны и никто из них не в силах прочно преобладать. Или *примирение*; но какое?..

Если бы даже возможно было вообразить себе одних самоуправляющихся цареградских *автохтонов*, без всякой примеси европейских выходцев, то и тогда мысль наша должна остановиться перед такой дилеммой: или 1) цареградское население будет находиться в постоянной анархии, доходящей беспрестанно, как я уже сказал, даже до уличной драки между греками, славянами, евреями, армянами и мусульманами, ибо в среде этого населения нет ни одной национальности, которая была бы в силах подавить остальные и подчинить их какой бы то ни было дисциплине; или 2) все эти национальные клочки и вероисповедные партии должны будут примириться на чем-то *среднем*, на чем-то индифферентном, стоящем совершенно вне православия и вне иудаизма; вне ислама и вне христианства; вне племенных наклонностей славянства и грецизма, вне армянской или болгарской церковности, словом, на чем-то, стоя-

цем вне племени и вне связанного с этим племенем вероисповедания. Но чем может быть это среднее, это индифферентное, как не *космополитическим радикализмом?*..

Чтоб ужиться между собою в мире и согласии, цареградские славяне, греки, евреи, армяне и турки должны будут в *официальной* деятельности своей, в своих муниципальных учреждениях, в своих общегородских обычаях, в торжественных празднествах, в общих судебных отношениях отказаться от всех своих специальных и объединяющих веру и племя преданий, от всего того, что было дорого их отцам и предкам. Вселенский патриарх станет тогда гораздо ниже, чем стоит у нас в Казани и Симферополе татарский мулла... Православие вместе с другими положительными религиями будет отодвинуто на самый задний план общественной жизни, и господствовать будет один республиканский утилитаризм.

И это все еще без *европейских выходцев*. Но вообразим еще сверх того, что крайне свободные учреждения этого нейтрализованного города (столь многозначительного по положе-

нию и привлекательного по климату) будут благоприятствовать переселению в него всяких *выходцев* из Западных государств и из России. Что станется тогда с этим центром?

Положим, например, что, создавая этот «нейтрализованный» город, дипломаты великих держав могут поставить непременно условием, чтоб цареградское общество не допускало в свою среду политических изгнанников и преступников, чтобы оно не укрывало их.

Но что может быть серьезного и прочного в подобном запрещении?

Политических-то именно изгнанников и преступников и монархические правители Европы до сих пор не выдают охотно друг другу. Социалисты, осужденные в государствах континентальных, находят себе убежище в Англии; польские бунтовщики наши живут свободно во Франции, Италии, Австрии и где им угодно. Наши нигилисты свили себе гнездо в «свободном» отечестве грубых швейцарских лавочников; болгары, греки и сербы, действовавшие против турок, безнаказанно удалялись в Россию, в Австрию и в

другие страны... Каким же это образом и во имя каких это искренне признаваемых и серьезных принципов представители держав, допускающих в недра своих государств людей, почитаемых за преступников в странах соседних, не позволят допускать их в этот нейтрализованный, никому исключительно не принадлежащий и республиканский город? Насилие? Согласное принуждение *солидарной* этой все-Европы?

Насилие, бесспорно, вещь необходимая и даже очень хорошая, но лишь тогда, когда за насилем кроется какая-нибудь серьезная, искренне чтимая идея... Иначе все это будет построено на песке; и при малейшем либеральном дуновении, при малейшем несогласии держав разлетится в прах.

Ясно, что нельзя будет не допустить в нейтральном Царьграде этих выходцев всесветной революции.

Они не только ринутся туда немедля толпами, но даже очень скоро должны будут стать во главе местного населения, менее зрелого политически и зараженного своими, так сказать, *приходскими* ненавистями и страстями.

ми.

И при турках европейцы нередко господствовали и хозяйничали в стране; что же будет без того единства власти, которой располагал султан?

При турках было и тем еще лучше, что на турецкую службу, меняя или не меняя религию, поступали большею частью вовсе не фанатики политические, а люди ловкие, разные искатели приключений, которые вовсе ничего не желали разрушать, а только хотели себе самим приобрести выгоды и блестящее положение. Без турок туда пойдут новые Лассали, Нечаевы, Засуличи... чтобы на вновь распаханной переворотами и разрыхленной кровью почве сеять семена своего отрицания...

И эти семена, произрастая, эта проповедь, разливаясь, эти ядовитые плоды, созревая, — неужели они ограничатся Царьградом? Не отзовется ли все это тотчас же в соседней и нами так отечески созданной Болгарии? Не отзовется ли все это в Греции, и без того демагогической?.. Или в Сербии, где нет почти середины между свинопасом и нигилистом?..

Интеллигенция всех этих христианских

стран Востока страдает давно уже религиозным индифферентизмом *гораздо более*, чем русское общество. Русское общество слишком развито, чтоб в нем не было искренне религиозных людей и между самыми образованными гражданами.

На Востоке образованность по европейским образцам слишком нова, слишком сыра, слишком груба и поверхностна, чтобы не было в среде интеллигенции преобладающей склонности к дешевой и в сущности не завтрашной, а вчерашней новинке...

С первого взгляда можно подумать, что это не так. Кажется, семейное чувство и строгость семейных нравов так сильно у греков, сербов, армян и болгар... Кажется, вся интеллигенция христианских этих стран так расположена к торговле и промышленности, так чужда аграрным вопросам; пролетариата многочисленного еще нет; тем более пролетариата образованного и потому самолюбиво-завистливого и раздраженного... Казалось бы, всем этим населением столько еще другого дела...

Но в этих случаях не надо делать огромной ошибки, которую делают многие: не надо су-

дить завтрашний день по-вчерашнему...

До сих пор так называемые национальные вопросы еще не разрешены вконец на Востоке: турки не удалились из европейской части своих владений; не размежеваны еще ясно сербы и болгары между собой; греки с болгарами и албанцами; албанцы с сербским племенем. Добруджа осталась, вероятно, только на время румынам; она должна отойти к болгарам. Но пусть все это будет решено хотя бы приблизительно: пусть все эти национальные и политические тревоги утихнут; человечество стоять на месте не может; не может и долго устояться оно на нетвердой и подвижной почве современных обществ, где господствует меркантильный индивидуализм, где каждый человек, освобожденный от тех тяжелых и прочных уз, которые налагало на него сложное *сословное* и *корпоративное* устройство прежних обществ, мечется туда и сюда, с тревожным тщеславием и жаждой денег, с каким-то сознанием каких-то прав на что-то лучшее...

Если эти горькие плоды эгалитарно-либерального процесса давно уж тревожат мысля-

щих граждан в среде тех великих европейских обществ, в которых еще так живучи до сих пор высокие предания и благородные привычки прежнего, более прочного и изящного сословного и вообще корпоративного устройства, чего же можно ждать от этих мелких и темных народцев, от христиан Востока, которые почти прямо из жизни пастушеской или гомерической, однообразно протекшей под давним давлением турок, попадут в водоворот именно того промышленного и торгового общеевропейского индивидуализма, о котором я говорил сейчас. У всех этих народов: у болгар, у греков, у сербов, у черногорцев, у армян – дворянства нет; нет *серьезных*, очень давних династий, пустивших в стране глубокие корни долгой и славной истории. Духовенство мало влиятельно на высший слой, поверхностный и подвижный, который весь вышел из низшего класса и не имеет никаких таких *особых* преданий и привычек, на которые можно было бы возлагать охранительные надежды в случае несостоятельности низших классов. Члены христианской интеллигенции живут отчасти последним сло-

вом европейского прогресса, отчасти теми слабыми охранительными влияниями, которые доставляют им невежественность, или, если хотите, наивность не дошедшей еще до европеизма остальной массы населения.

Духовенство у всех христиан Востока гораздо более зависит от народа, чем народ от него. Оно вовсе не очень влиятельно; оно *казалось* влиятельным, ибо оно выставлялось вперед как знамя против мусульманства и против западной религиозной пропаганды. Против этого рода враждебных влияний оно имело силу; ибо эти влияния (мусульманство и папство) – силы консервативные, вероятно, отживающие; посмотрим, каково будет влияние православного духовенства этих стран против крайностей *прогрессивных сил!!!*

Повторю здесь еще раз то, что я говорил не раз: с точки зрения общественного устройства, о христианских народцах Востока можно сказать, что они *европейцы современные по преимуществу*, что они в известном смысле более европейцы, чем французы и англичане.

В каком же смысле? Вот в каком.

Оставим английское общество, в котором

сохранилось столько средневекового и оригинального даже и в наше время; возьмем для сравнения только французов... Во Франции есть легитимисты, есть ультрамонтаны, люди самого крайнего белого консерватизма; положим, они никогда не восторжествуют более; но их совокупное давление во всех движениях французского общества все-таки значительно до сих пор отклоняло к *центру среднюю диагональ социальных сил, неудержимо стремящихся на левую сторону*... Во Франции есть очень крупные землевладельцы, старающиеся удержать собственность в своем *роду*; есть *родовые предания*; во Франции есть могущественная и славная литература, в которой рядом с умами самого разрушительного характера господствовали и господствуют умы самого редкого, охранительного стиля. Если во французской литературе были Прудон и Кабе, то в ней же были Жозеф де Местр и Шатобриан! *Почти все художники французские любят аристократизм общественной жизни, вопреки всем успехам гражданского уравнивания*... Все это, вместе взятое, давало во Франции в течение почти целого века, от 89-го г. до

наших дней, сильный отпор разрушительно-
му движению и доставляло возможное могущество хотя бы и той временной реакции, которая при всей непригодности своей не допускала до сих пор французский народ вступить на путь окончательного разложения. Ни у греков, ни у болгар, ни у сербов нет и не может быть ни ультрамонтанов, ни династических партий с *идеями* (какую новую идею, кроме *фактической власти*, может, например, представить в Сербии Карагеоргиевич?); крупной и прочной собственности нет нигде; *родов* с надменными и *оправданными историей претензиями* нет; серьезных сословных и корпоративных преданий нет... Все эти народы, столь близкие нам, начинают свое эфемерное возрождение прямо с того состояния, которое можно назвать *плутократией*, т. е. *господством денег и грамотности*. У кого есть деньги и кто достаточно обучился в какой-нибудь школе, чтоб иметь возможность стать негодником, доктором, адвокатом, чиновником, учителем или депутатом в греческой *вули*[25] или сербской скупщине, тот и господствует над пахарем, над пастухом, над

лавочником, солдатом, даже над попом (явно) и тайно – над епископом, у которого он по обычаю целует почтительно руку...

Самые крайние консерваторы в среде восточных христиан, перенесенные мысленно в любую из великих держав Европы, попали бы разве-разве в члены правого *центра*, не более.

Куда же должна пойти при таких условиях средняя диагональ общественного движения? Конечно, она должна гораздо быстрее и сильнее отклониться *налево*, чем диагональ общественного движения в тех странах, где есть люди, вкусы, убеждения и целые партии несравненно более резко выраженного белого цвета.

Мы видим это даже и у себя в России... в России, где есть древнее и популярное самодержавие, где не погибло еще вконец *дворянское* воспитание, где в простом народе и в высшем обществе несравненно больше сердечного *мистицизма*, чем у стольких сухих в религии единоверцев наших...

Мы видим, напр., в России, что большинство учащейся молодежи (частью даже дво-

рянского происхождения) с упорством, нигде не виданным, держится одних разрушительных учений; мы видим, как бич отрицания закрался в суды, *в которых постоянно* происходит потворство политическим преступникам и какая-то озлобленная травля то на игуменью, то на генерала, то на офицера, осмелившегося ударить студента за то, что он назвал царский мундир ливреей, и т. д. Мы видим петербургскую печать, *всю* (почти) защищающую Веру Засулич и восхваляющую ее пустозвона-защитника!..

Чего же мы можем ожидать от освобождения и предоставления самим себе христиан Востока, неопытных, жаждущих жить политической жизнью, страстных в политике, в религии холодных и сухих, не имеющих ни дворянства родового, ни могущественного, независимого от народа духовенства, ни старинных и любимых династий, ни той внутренней независимости ума, которую дает народу сознание старой или новой, но *славной* и, главное, *собственной цивилизации*.

Турки ушли; они забыты; надо жить и действовать... Явились новые требования, новые

интересы, новые претензии, новые неудобства и страдания. Все помешались исключительно на деньгах, ибо, кроме денег, нет пути к преобладанию в народе... *Свободная* плутократия господствует безгранично на первую пору и этим вызывает новую крайность – *свободное же обеднение других граждан...* А идеи всеобщего благосостояния и благоденствия распространяются своим чередом... Вырастет молодежь, не помнящая почти турок; молодежь, которой дела нет ни до православия, ни до тех русских, которые легли костями во стольких битвах, еще со времен Петра и Екатерины и до дней последней борьбы за свободу Востока...

И вот в средоточии этого мира крайнего индивидуализма и утилитарной сухости, среди этого хаоса непрочной плутократии и легкомысленной интеллигенции воздвигается на Босфоре, по соглашению солидарной Европы, великая и обновленная столица; свободная, нейтральная, всем и всему чуждая по господствующему в ней какому-то неуловимому духу, но до всего и до всех касающаяся; парализующая все односторонние, национальные

и религиозные влияния и потворствующая всему от наций и религий уклоняющемуся или к интересу их равнодушному...

Итак, на почве этого-то уже и теперь крайне либерального и демократического христианского Востока, в этой среде, где, как я сказал, самый крайний консерватизм *не белого, а бледно-серого* цвета, Россия должна создать, в угоду державам Запада, исполинский очаг разрушения, республику, по существу своему отрицающую все крайности: мусульманство, православие, грецизм, славянство, папизм, русский царизм, все крайности, кроме тех *космополитических крайностей*, которые должны выйти из отрицания всех других особенностей...

Царьград *нейтрализованный* станет очень скоро столицей всесветного нигилизма. Революция, которая не могла себе до сих пор найти живого центра во всех этих старых и характерных национальных столицах, в Париже, Берлине, Риме, Вене, Лондоне, – обретет, наконец, юридически утвержденную и политически оправданную резиденцию в этом городе, чуждом всему национальному, всему

священному для каждой нации у себя дома...

Вот что такое «нейтрализованный» Царьград!

Примечания

Чтобы мысль моя была понятна, я напомним кратко о греко-болгарском вопросе. Конечно, утверждать наше влияние на Востоке через потворство болгарскому *либеральному* движению против Вселенского патриарха было очень легкое и дешевое, нехитрое средство обыкновенного демократического европеизма. И мы сделали много вреда и себе, и Церкви, потворствуя болгарам *больше, чем было нужно*. Однако так как и при этом неблагоприятном условии *высший общецерковный идеал все-таки не вполне забывался* руководившими нас людьми, то мы и остановились еще вовремя – и *единство Церкви спасено, т. е. мы с греками не в расколе*.

[^^^]

2

Я говорю *развития*, а не *прогресса*... Я нахожу, что идея настоящего развития и цели демократического прогресса представляют непримиримые антитезы. Развитие есть усиление *организованной*, т. е. *дисциплинированной разнородности*; демократический прогресс есть стремление к *смешению в однообразии*, т. е. *разрушению всего разнородного* (см. «Византизм и славянство»).

[^^^]

3

Нельзя же и Берлинский трактат серьезно считать большой неудачей; это, как верно было сказано в «Правительственном вестнике», *только временный роздых*. Нас Берлинский трактат только приостановил; Турцию он приговорил к смерти.

[^^^]

4

Да здравствует Франция! (*фр.*).

[^^^]

5

Да здравствует король! (*фр.*).

[^^^]

Это письмо прерывает ход мыслей, развиваемых в первых письмах; оно было напечатано под впечатлением неожиданной смерти Гамбетты; но тем не менее я не решился его исключить; ибо по духу оно состоит в связи со следующими письмами, и в них есть ссылки на это, третье. – *Авт.* (1885 г.).

[^^^]

«С.-Петербургские ведомости».

[^^^]

«Тигр-обезьяна» (фр.).

[^^^]

Натиск на Восток (нем.).

[^^^]

Я кладу для Австрии около 50 миллионов наобум, в случае предполагаемого присоединения к ней болгарских, сербских стран, Царьграда и даже части Польши.

[^^^]

Вы знаете, что, ценя очень высоко человеческий ум и гений отдельных лиц, как непосредственную и могучую и произвольную силу, я очень низко ценю общий разум человечества с точки зрения практической его целесообразности; в этом смысле и ошибки, и пороки, и глупость, и незнание – одним словом, все, что считается худым, приносит плоды и способствует невольному достижению той или другой *тайнственно и не нами пред-назначенной* цели.

[^^^]

Я должен здесь прибавить, что главным основанием этих мыслей моих служила мне книга г. Данилевского «Россия и Европа». Г. Данилевский, по справедливому замечанию г. Страхова, первый обратил внимание *на эту смену культурных типов или стилей*. Эту теорию культурной смены можно назвать истинным открытием, принадлежащим исключительно *русскому мыслителю*. Положим, Хомяков и другие славянофилы развивали нечто подобное прежде г. Данилевского; но у них все это было не ясно, не приведено в систему и, главное, не производило впечатления чего-то *органического*, чего-то такого, *чему быть надлежит*; а в сочинении «Россия и Европа» весьма ясно этого рода освещение.

[^^^]

«Реальное соединение» (*фр.*).

[^^^]

Вот мой ответ тем, которые не понимают, что я стою вовсе не за все *племя эллинское*, а лишь за *патриархаты* и за так называемых *фанариотов*, т. е. за высшее греческое духовенство, которое одного духа с покойным митрополитом Филаретом. – *Авт.*

[^^^]

В здешней нумерации – в пятом.

[^^^]

Протестантство, напр., не имело общеевропейского назначения.

[^^^]

Гамбетта и *Бурбаки*? Они не чистые французы по крови – не галлы. Вероятно, один по крови итальянец; другой же известно, что грек.

[^^^]

По преимуществу (*фр.*).

[^^^]

Палата депутатів в Афінах.

[^^^]